

Выражи ЛЮБВИ

ИСПОВЕДЬ СЕРДЕЦ

амадеус
амадеус роман

ВЛ № 8

Мост через прошлое

Чем обернется первая любовь?

Дине было всего шестнадцать, когда она пережила первую любовь и первое предательство. Девять долгих лет разлуки, неудачный брак, пустота и отчаяние в сердце — такова расплата за доверчивость юной девушки. Ради дорогого ее сердцу Мити Дина изменила внешность и сделала карьеру на телевидении.

И только тогда поняла, что мир шире и прекраснее ее девичьих грез и страданий...

Татьяна Пименова
Мост через прошлое

Глава первая

Пронизывающий декабрьский ветер валит с ног. Мелкая колючая снежная крупка больно хлещет по лицу. Слезы тонкими льдинками застывают на выбеленных хрупким инеем ресницах. Уже далеко за полночь, метро не работает. На мосту у Белорусского вокзала — ни души. Только белая поземка, оранжевый свет фонарей да черный кованый парапет, за который так и хочется ухватиться, одним прыжком перемахнуть — и навсегда раствориться в пустоте. В пустоте отчаяния, которое этой ночью накрыло Дину с головой и не дает ей пошевелиться, вздохнуть, опомниться...

Дина бредет, не отворачиваясь от ветра, подставляя заплаканное лицо метели. Курточка с полоской дешевого меха по краю капюшона, мини-юбка, прозрачные чулки, по которым уже поползла стрелка, ботинки на танкетке... Мама все время повторяет, что такой «прикид» не годится для минус десяти, но Дина, как и положено шестнадцатилетней девушке, пропускает подобные старомодные советы мимо ушей. Потому что, когда вечером тебя провожают домой, крепко обнимая за плечи, мороз как-то отходит на второй план. А мини очень пригождается после того, как захлопнется дверь подъезда и в тишине начинается главное. То, ради чего Дина столько старалась, красилась, подбирала кружевное белье. Поцелуй, поцелуй... Неторопливые, доставляющие блаженство, и быстрые, жадные, от которых на шее остаются следы. Дине всего шестнадцать. А Митя... Боже, сколько в нем нежности... Он все понимает и пока довольствуется тем, что только целует свою девушку в подъезде — всю, целиком, везде.

Дина верила ему и таяла в его объятиях. До сегодняшнего дня.

Ей никогда прежде не приходило в голову, что любимый человек способен на подлость. Способен пренебречь ее чистыми чувствами ради — стыдно подумать! — какой-то мрази, холодной, расчетливой, равнодушной.

Дина медленно шагает по мосту, полной грудью вдыхая ледяной воздух. Хорошо бы сбылись самые страшные мамины прогнозы. Вот бы простудиться, подцепить воспаление легких, попасть в больницу и умереть. Раз и навсегда. Потому что жить так больше невозможно.

Где-то с час назад она видела, как Митя вышел из ночного клуба, обнимая Верку точно так же, как раньше ее, Дину. Она, конечно, знала, что выслеживать парня — полное безобразие, что это унижает их обоих, но все же не смогла усидеть дома в этот вечер.

В последнее время с Митей творилось что-то странное. Четыре месяца они с Диной встречались каждый день, везде ходили вместе, держались за руки, целовались. Митя звонил ей, говорил о любви, делился планами на будущее, приглашал на танцы. У них даже была своя песня, «Леди в красном» Криса де Бурга. Митя вообще обожал красный цвет, если дарил цветы, то всегда — красные розы или гвоздики, и помаду тоже очень яркую любил, и лак для ногтей. Как он целовал Дине руки, перебирая губами пальчик за пальчиком, медленно, нежно, с упоением, проводя кончиком носа по длинным накрашенным ноготкам!..

Дина была на седьмом небе от счастья, даже познакомила Митю с мамой, что было удивительным жестом доверия с ее стороны. Своих предыдущих кавалеров Дина обычно домой не приводила. Мама всех без исключения ребят критиковала, с увлечением выискивала всевозможные мужские недостатки и смачно расписывала их Дине.

— Ваня? — презрительно пожимала плечами Светлана Алексеевна. — Ну ты и выберешь! Неужели никого получше не было? Ты приглядишься, Диночка, прислушайся: у него же что ни слово, то какой-то жаргон. Нельзя связываться с человеком не своего круга. А то будешь потом мучиться, как я с твоим папашей.

Родители Дины работали в Зеленограде, стояли у истоков советского компьютерного производства. Светлана Алексеевна развелась с мужем, когда дочери было шесть лет. Папу Дина почти не помнила: у того сразу появилась другая семья, и новая жена не поощряла его общения с ребенком от первого брака. Время от времени на сберкнижку поступали алименты, размеры которых Дине были до сих пор неизвестны, поскольку мама упорно повторяла, что бывший супруг оставил их без гроша. У отца родилось еще двое детей, Дининых братьев, но она их никогда не видела. Не то чтобы ей совсем не хотелось с ними общаться, просто было страшно даже подумать о том, как мама отреагирует, если Дина познакомится с малышами.

— Никита? — округляла глаза Светлана Алексеевна, когда Дина спрашивала ее мнение по поводу одного из немногих одноклассников, рискнувшего заглянуть вечером на огонек. — Диночка, ну где у тебя глаза? Никита кем, врачом собирается стать? Похвально, конечно, очень благородно... Только ты, как говорится, на руки-то его посмотри. Какой из него хирург? Ладонки круглые, пальчики пухлые... Тебе приятно иметь мужа, у которого женские руки? И который ничего не умеет этими руками делать? Вон у нас сколько всего покосилось и поломалось. Твой Никита уже второй раз приходит и хоть бы предложил помощь — полку перевесить или держатель для бумаги в туалете закрепить. Я уж не спрашиваю, когда он сам зарабатывать начнет, сейчас, видишь ли, врачам только в пластической хирургии нормально платят. Вот и будешь с ним копейки до зарплаты натягивать, как я с твоим папашей...

Словом, никто не годился, все были как две капли воды похожи на злополучного Динино отца, воплощение всех мыслимых мужских пороков. Дина не протестовала, не спорила, просто в какой-то момент перестала информировать маму о своей частной жизни и научилась делать честные глаза, когда требовалось убедительно соврать. Мама постепенно успокоилась, очевидно, полагая, что все мысли дочери заняты учебой.

Однако когда в Дининой жизни появился Митя, все круто изменилось. Он был старше ее на целых четыре с половиной года и только что вернулся из армии, куда загремел исключительно по непрактичности своей матери. Та вполне могла бы, как все, достать сыну справку и «отмазать» от службы, но почему-то вовремя не подсуетилась. Митя этой глупости матери простить не мог, считал, что она чуть ли не избавиться от него хотела, говорить об армии не любил, только дал Дине понять, что хуже места для студента-москвича на земле не существует. Вернувшись, в институте восстанавливаться он не стал, а пошел работать, быстро снял квартирку на окраине и по-английски удалился из родного гнездышка.

Дина Митей очень гордилась. Мало того, что он был красавец — высокий шатен с тонкими чертами лица и темными глубокими глазами, под проникновенным, оценивающим взглядом которых Дина таяла, как пломбир на солнце. Митя курил трубку, что придавало ему в Дининых глазах неповторимое очарование. Она любила вдыхать сладковатый запах «Амфоры», один раз даже попробовала сама затянуться, но ей не понравилось. Митя читал запоем, обожал фотографировать, хорошо танцевал, вкусно готовил, умел починить абсолютно все, от телевизора до унитаза, и даже сам пришивал пуговицы и стирал в тазике джинсы. Как-никак армия за плечами, не какой-то маменькин сынок, который считает, что

булки на деревьях растут. С Митей было интересно и надежно. Он очень красноречиво рассказывал Дине, как встанет на ноги, откроет свое дело, купит машину, повезет ее к морю. Дина слушала его слова, как музыку, затаив дыхание. Она не сомневалась, что пройдет пара лет, и Митя сделает ей предложение. Он ее любил искренне, только слепой мог этого не заметить!

По этой причине Дина решила как-то вечером пригласить Митю домой. Любимый оказался на высоте — явился с хорошим вином, красными розами и коробкой конфет, кроме того, вбил нужное количество гвоздей, чтобы перевесить вожделенную мамину полку, и передвинул шкаф, который Светлана Алексеевна в отсутствие мужской силы уже десять лет мечтала установить около двери. Дина с радостью отметила, что мама поглядывает на гостя с нескрываемым одобрением. Митя поддержал разговор о поэзии, об экономике, о политической ситуации в стране, от души похвалил ужин и галантно разлил по бокалам принесенное им терпкое «Киндзмараули». Мама заулыбалась, обычное напряженное выражение исчезло с ее лица, и у Дины отлегло от сердца.

— Вы уже спали вместе? — в своей обычной безапелляционной манере поинтересовалась Светлана Алексеевна, когда Митя распрощался, а Дина без напоминаний потащила в кухню поднос с грязной посудой. Необходимо было уничтожить следы неудобств, вызванных визитом постороннего мужчины.

— Ты что, обалдела? — вырвалось у Дины.

Подобные провокационные вопросы вообще были в мамином характере. Светлана Алексеевна, сама будучи жертвой пионерско-комсомольского воспитания, умудрилась сохранить девственность до двадцати семи лет, когда наконец вышла замуж за Динино отца. Она искренне полагала, что приносит на брачный алтарь величайшую ценность, какую только можно найти в женщине. Однако суровая реальность готовила непорочной невесте неприятный сюрприз. Муж подарка не оценил. Светлана сразу забеременела, а супруг стал погуливать — сперва тайком, а когда Дине было года три, уже не стесняясь никого и ничего. Дома начались скандалы и бурные выяснения отношений, от которых ветреный муж попросту сбегал и неделями кочевал по приятелям. Светлана Алексеевна всем подругам говорила, что пытается сохранить семью только ради ребенка, что ежедневно вынуждена наступать на собственную гордость и клеймила мужа в духе проработок партактива. Кончилось тем, что в одно прекрасное утро она нашла на столе записку с уведомлением о том, что она совершенно свободна и может искать себе нового идиота, готового спать с деревянной колодой.

Все подробности этой незамысловатой истории Дина узнавала из трех разных источников. Во-первых, от самой Светланы Алексеевны. Мама, хоть и всячески демонстрировала, что бережет психику ребенка, часами обсуждала с подругами по телефону безобразные измены мужа и еще более омерзительные детали развода.

Несмотря на то что со дня позорного бегства супруга прошло десять лет, Светлана Алексеевна не успокаивалась и даже находила в своем женском одиночестве известную прелесть. У нее так и не появилось нового мужчины.

— А все потому, — повторяла она очередной благодарной слушательнице в трубку, — что этот подонок отбил у меня всякую охоту экспериментировать с замужествами.

Вторым источником информации была некто тетя Женя, сестра отца. Для Дины долгое время оставалось загадкой, почему Светлана Алексеевна не возражала против общения тети Жени с племянницей. Тетя всегда привозила Дине подарки, одежду, гостинцы. Надо сказать,

что ее деликатность простиралась настолько далеко, что тетя Женя добровольно избегала рассказов об отце. Однако как бы исподволь, в мягкой иносказательной форме она давала племяннице понять, что на причину развода ее родителей существует другая точка зрения, отличная от мнения Светланы Алексеевны.

— Нельзя оскорблять человека, с которым живешь под одной крышей, — тихим голосом шелестела тетя Женя. — Даже если он воспитан в иных традициях, чем те, что были приняты в твоей семье. Понимаешь, Диночка, категоричные суждения — это для выступлений с трибуны. Нельзя купить верность мужа только громкими декларациями о необходимости соблюдения заповедей. За любовь можно бороться только любовью.

Еще Дина могла поговорить о разводе родителей с соседкой тетей Зоей, женщиной лет пятидесяти. Эта прямо заявляла:

— Дина, не упusti своего счастья, а то будешь горе мыкать, как мать. Она свою молодость черт знает на что угробила, ни с мужиками не погуляла, ни денег не заработала. Все у нее какие-то тараканы в голове плодились. Она нормальных человеческих отношений не знала и тебе не дает. Ты ее не слушай. Живи, чтобы получать от жизни удовольствие. Люби и будь любима, чем бы мать тебе ни грозила. Это на самом деле главное. А учеба, деньги, карьера — все преходяще.

И Дина любила всем сердцем. Потому что Митя был самый замечательный, самый добрый, самый ласковый человек на свете. А Светлане Алексеевне об их отношениях совсем не обязательно было сообщать какие-либо подробности. Пусть мама живет безмятежно.

Дина открыла кран и начала мыть посуду.

— Слишком красивый для тебя этот Митя, — добавила, помолчав, Светлана Алексеевна. — Уведут его.

С этими словами мама вышла из кухни. Дина вспыхнула. Конечно, она не была красавицей в полном смысле этого слова, причем мама не уставала ей об этом периодически напоминать. Однако теперь это задевало Дину не так, как раньше. Митя ее обожал, просто души в ней не чаял — и говорил ей об этом, и всем своим поведением показывал, что жить без нее не может. Так что внешность в жизни не главное. Главное — любить и быть любимой.

Глава вторая

Три месяца пронеслись, как праздник, а потом с Митей стало твориться что-то неладное. Сначала он стал реже звонить Дине. Не два, не три раза в день, а только вечером, перед сном, и болтали они не по полтора часа, как прежде, а лишь наспех обменивались новостями. Потом Митя как-то потерял интерес к их ежедневным встречам, стал рассеянным, невнимательным, говорил не о ней, Дине, а о работе, о начальстве, товарищах. Дина не знала, что и подумать, пыталась, довольно неумело, приласкать его, садилась к нему на колени, сама обнимала, чего раньше не делала, тянулась к его лицу губами. Митя целовал ее неохотно, вяло, словно пытаясь отвертеться, отбыть надоевшую повинность.

Дина потерпела пару недель, а потом решила на откровенный разговор.

— Митька... — начала она, и голос у нее дрогнул. — Ты стал какой-то чужой. Что случилось?

Митя встрепенулся, уставился на Дину. На мгновение она увидела в его темных глубоких глазах отсвет прежнего чувства, прежней заинтересованности.

— Да нет, что ты, — забормотал Митя. — Тебе кажется. Все, как раньше.

— Нет, Мить, не кажется. — У Дины задрожали губы. — Ты очень изменился. Я не понимаю, что происходит. Объясни мне.

— У меня проблемы. На работе, — устало признал Митя, отводя глаза. — Боюсь, что выгонят со дня на день.

Дина ахнула. Так вот в чем дело! У любимого человека серьезные неприятности! А она еще лезет к нему со своими детскими глупостями! Ведь ему надо платить за квартиру, одеваться, еду покупать, а никаких доходов, кроме этой работы, у Мити нет. К матери он за помощью обращаться не станет, скорее с голоду умрет, это Дина знала точно.

Девушка виновато всхлипнула и, обвив руками шею Мити, уткнулась ему к плечо.

— Дин, ну перестань, — принялся Митя гладить ее по голове. — Разберемся. Не плачь. Я все улажу.

— Митька... — Дина потерлась носом о его рубашку. — Я такая дура... Я подумала черт знает что...

— Это ты зря... — Дине показалось, что он улыбнулся. — Все образуется.

Она вытерла лицо ладонями и подняла глаза на Митю.

— Что тебе сказали? На работе, я имею в виду. Может, помочь тебе поискать что-то еще? По знакомым поспрашивать, маму попросить, тетю Женю?

Митя несколько мгновений колебался.

— Понимаешь, все может остаться, как сейчас, только... Начальник требует, чтобы я летел в командировку. На месяц.

— А ты?

— А я сказал, что не знаю. Мы же тогда не сможем видеться.

О, это была серьезная причина! Надо же! Он готов потерять работу ради нее!

— А куда тебя отправляют? — поинтересовалась Дина. — Хочешь, я приеду на выходные? Мама денег даст, я и прилечу...

— Нет, это слишком далеко и дорого. И потом, тебе учиться надо. В конце года экзамены. Я попытался отвертеться, но начальник у меня козел... Ничего не понимает. Словом, он пригрозил, что уволит. Жалко, зарплата неплохая, где я еще такую работу

найду...

И тут Дина приняла нелегкое решение.

— Мить, раз надо ехать, поезжай. Как-нибудь справимся. Будешь мне звонить, или я тебе. Сообщи номер телефона в гостинице, или где ты там будешь жить. Я тебя буду ждать, обещаю.

Митя порывисто обнял ее, провел ладонью по коротким светлым, чуть вьющимся волосам.

— Ну, раз ты согласна...

Митя настоял, чтобы Дина его не провожала. Рейс был утренний, поэтому Митя проводил ее в школу, а сам побежал домой за вещами.

И Дина стала ждать его звонков.

За месяц Митя проявился только три раза. Говорил быстро, скороговоркой, ссылаясь на то, что дорого, а денег ему пока не платят. Дина плакала, обижалась, но поделать ничего не могла.

— Скажи, когда ты прилетаешь! — спросила она его во время последнего разговора. — Я приеду в аэропорт, встречу тебя! Я скучаю!

— Что-то плохо слышно! — ответил Митя. — Позвоню, когда доберусь домой. Ну ладно, бывай!

Дина так и не поняла, когда он вернулся. Прождав два томительных дня, она набрала Митин московский номер. Сначала послышались долгие гудки, а потом трубку сняли.

— Алло! — спокойно проговорил молодой женский голос.

В первый момент Дина перепугалась, что не туда попала.

— Здрасьте, можно Митю? — скороговоркой, не своим голосом произнесла она.

— Митя на работе. Он вернется в восемь. А кто его спрашивает?

Трубка выпала у Дины из рук. Этот голос никак не мог принадлежать Митиной матери. У нее и интонации, и манера говорить были совсем другие. Да Митя и не оставил бы ее одну у себя в квартире. Он даже Дине никогда не давал ключ, вообще терпеть не мог, когда кто-то хозяйничал дома в его отсутствие.

Кто же это мог быть? Новая возлюбленная?

Надо сказать, что удар, нанесенный Дине, оказался совершенно внезапным. Митя совсем не походил на тех мужчин-лгунишек из анекдотов, которые ездят по командировкам, чтобы отдохнуть от семьи или надоевших любовниц. Он нравился Дине именно тем, что всегда говорил правду. Оказалось, она ошибалась.

Дина заметалась по квартире. Находиться в четырех стенах было выше ее сил. Стенные часы с маятником показывали семь пятьдесят. Девушка поспешно натянула черную гипюровую кофточку с вырезом, короткую юбку, которая так нравилась Мите, накинула куртку и выбежала на улицу.

Она знала, что сейчас сделает. Пойдет к нему, прямо так, без приглашения, словно не было этого долгого месяца и двусмысленной командировки. Он откроет ей дверь и обрадуется, как раньше, подхватит на руки, закружит по маленькой прихожей, станет целовать волосы, лоб, лицо... Она скажет Мите, что любит его больше всего на свете, что ужасно соскучилась по нему, что хочет быть с ним и остаться у него. И все будет хорошо.

В конце концов, Дина могла ошибиться номером. Мало ли на свете Мить, которые возвращаются с работы в восемь.

От этой мысли у девушки вдруг стало легко и спокойно на душе. Действительно, нажала

не на ту кнопку, а потом вообразила невесть что.

До Митиного дома надо было ехать на метро до конечной, потом еще несколько остановок на автобусе. Дина нашарила в кармане мелочь — как раз на один жетон набирается. Очень символично. Так сказать, билет в один конец.

Дина пустилась бежать. До станции метро «Белорусская», где она жила, было минут десять. Вот сейчас за угол, потом еще поворот направо, а там вдоль здания, где ночной клуб... Они с Митей пару раз были там. И будут еще, Дина теперь в этом не сомневалась. Просто слишком долго она держала Митю на расстоянии. Нечего повторять маминь ошибки.

Дина на всех парах домчалась до угла и вдруг остановилась как вкопанная. Возле клуба притормозила машина. Задняя дверца отворилась, и на тротуаре показался Митя. Дина сразу его узнала. Молодой человек был в шикарном сером пальто, купленном еще в сентябре, когда ему удалось немного подработать. Митя надевал его только в особо торжественных случаях, его вообще отличала бережливость в отношении вещей.

Дина уже открыла рот, чтобы с радостным криком броситься навстречу любимому, как вдруг он наклонился и подал кому-то руку. Из машины вслед за ним вышла какая-то девица. Высокая, темноволосая, на шпильках, в изящной шубке до талии.

Дина почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног... Эта потрясающая песцовая шубка была предметом зависти всех девчонок у них в классе. Да что в классе — во всей школе! Ее счастливая обладательница Верка Соломатина в свои семнадцать имела репутацию прожженной и выдавшей виды особы. Школе она давным-давно не уделяла почти никакого внимания, крутила романы направо и налево, переспала со своей округой и при этом держалась словно английская леди, имеющая в роду семь поколений благородных предков. Подруг у нее не было, однако приглашать Верку на вечеринки считалось хорошим тоном. Если приходила Соломатина, стопроцентная явка мужской половины компании была обеспечена.

Дина сама не раз слышала, как ребята называли Верку мразью. Именно так, и не иначе. Уверяли, что для нее ничего святого нет, что мужиков она меняет, как перчатки, что для нее имеют значение только деньги. Говорили о ней зло, за глаза, но едва Верка удостаивала такого «объективного» судью взглядом или просьбой, парень с низкого старта бросался исполнять все ее капризы.

Верка ценила себя высоко. Говорила мало, наверное, опасалась показаться дурой. Широким кругозором или начитанностью не отличалась. На мужчин смотрела свысока, одноклассников презирала за малолетство, с девчонками держалась вежливо, но отчужденно. Дина с ней старалась не сталкиваться, молчаливо признавая женское превосходство Верки.

Верка же, как ни странно, к Дине относилась с уважением.

— Слушай, а ты молодец, — как-то раз призналась Соломатина, когда им с Диной случайно выпало совместное дежурство в школьной столовой. — За мальчишками не бегаешь, достоинство имеешь. Девки наши — смотреть противно. Созрели ягодки. Каждому готовы на шею вешаться.

— А мне это не надо, — неожиданно для себя самой отозвалась Дина. — Лучше один хороший, чем сто таких, каким лишь бы по углам потискаться.

Верка удивленно приподняла бровь.

— Ого! Ну, Динка, ты даешь! Я не знала, что у тебя мужик имеется!

— Да вот, имеется, — улыбнулась Дина.

— И хороший?

— Очень! — искренне выпалила Дина, не до конца понимая, что Верка имеет в виду, но очень польщенная ее похвалой.

— Ты держись за него, Динка, — неожиданно серьезно посоветовала Соломатина. — В наше время кругом одни идиоты.

— Мама моя то же самое говорит, — усмехнулась Дина.

— Мама тебе просто завидует, — бросила через плечо Верка и удалилась к раздаточному окошку, как всегда, с высоко поднятой головой.

Верка была настоящая красавица. Когда она шла по улице, прохожие оборачивались ей вслед. Стройная, изящная, с узкой талией и бедрами, с очень прямой осанкой («Это от танцев, в детстве занималась», — пояснила как-то Соломатина), с длинными прямыми струящимися по плечам темными волосами, она была неотразима даже со спины. Росту в ней было не меньше метра семидесяти, а Верка еще и шпильки носила. Лицо ее вполне могло бы украшать обложки модных журналов, причем ходили слухи, что ей предлагали сниматься, но чем дело кончилось, никто не знал. Она красилась, наверное, лет с десяти, несмотря на отчаянную борьбу учителей, причем делала это очень умело. Громадные, в поллица, голубые глаза, обрамленные длинными ресницами, которые отбрасывали тень на щеки, когда Верка прищуривалась, точеный прямой носик, пухлые губки, правильный овал лица... В общем, все мужики поголовно падали в обморок и складывались штабелями. В довершении картины Верка рано оформилась. В общем, позавидовать было чему.

— Дин, ну почему одним все, а другим ничего? — поглядывая на Верку, жаловалась Динина лучшая подружка Галка, и она была права.

После того разговора в столовой Дина сблизилась с Веркой. Или, если быть честной до конца, Соломатина ее к себе подпустила. Не то чтобы они вместе проводили много времени или по телефону болтали, но иногда за компанию прогуливали уроки, и Верка что-нибудь рассказывала Дине из своей богатой событиями жизни. От нее Дина узнала, как не залететь (у мамы об этом спрашивать было бесполезно), что надеть, чтобы скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства фигуры, в каких изданиях и каких авторов почерпнуть полезную информацию о мужской психологии и еще много всего другого.

В общем, дело кончилось тем, что Дина пригласила Верку, среди прочих, на свой день рождения. Верка пришла с кавалером, очень взрослым и очень богатым, как она уверяла. За столом вела себя сдержанно, блюда громогласно не хвалила и Светлане Алексеевне убирать посуду не помогала, чем моментально настроила Динину маму против себя. Верка вообще держалась так, словно она особа голубых кровей, а все остальные — ее подданные. Соломатина не суежилась, не мельтешила, как остальные Динины подружки, она молча и с достоинством принимала ухаживания молодых людей, приглашенных на праздник, с некоторыми даже соглашалась протанцевать танец-другой.

В том числе с Митей.

Все эти воспоминания вихрем пронесли в голове у Дины в ту самую минуту, когда она увидела, как Верка, опираясь на Митину руку, входит в распахнутые швейцаром двери клуба.

Дина не знала, сколько времени она мерзла на улице. Первым ее порывом было ворваться внутрь и потребовать от Мити и Верки объяснений. Потом она решила быть гордой, ничего не выяснять и вернуться домой. Вслед за тем Дине пришло в голову, что можно было бы прямо из автомата на углу звякнуть кому-нибудь из знакомых ребят,

немедленно вызвать сюда и вместе закатиться в клуб: дескать, мы тоже развлекаемся, как умеем. Однако Дина прекрасно понимала, что все три варианта будут выглядеть крайне глупо, и, не зная, как поступить, не трогалась с места. Мороз постепенно усиливался, а Дина, не чувствуя холода, все стояла на углу, в своих тоненьких чулках.

Наконец двери заведения в очередной раз распахнулись, и Митя с Веркой появились на крыльце. Митя смотрел на свою спутницу, как никогда не смотрел на Дину. Жадно. Он обнимал Верку за плечи, а второй рукой придерживал ее за запястье, словно пытаясь еще сильнее прижать к себе. И что-то увлеченно шептал ей на ухо.

А Верка была такая же, как всегда. Удивленно приподнятые тонкие брови, спокойное лицо, вежливая отстраненная улыбка. Королева. Снежная королева. Так ее прозвали еще классе в шестом, и с тех пор это прозвище за Соломатиной закрепилось прочно. А сейчас она была просто вылитая героиня Андерсена: белая песцовая шубка, белая снежная крупка на волосах и холодные прозрачные голубые глаза.

Митя поднял руку, и почти тут же к крыльцу услужливо подкатило такси. Что удивительно, молодой человек не стал наклоняться к водителю и торговаться, хотя при Дине всегда именно так и поступал. Ей нравилась Митина бережливость, его трепетное отношение к деньгам, расчетливость, осмотрительность. От мамы Дина знала, что отец всегда транжирил семейные сбережения, и заочно ненавидела страсть к мотовству во всех мужчинах.

Стало быть, при Верке все изменилось, и для Мити гораздо важнее оказалось швыряться деньгами, чем копить на черный день.

И тут Дина не выдержала. Размахивая руками, она бросилась бежать к клубу, к такси, которое вот-вот должно было навсегда увезти прочь ее Митю. Это сон, это наваждение, Митя не подходит Верке, у нее полно своих, взрослых, опытных, богатых и крутых. А у Дины есть только Митя, и ей не нужен больше никто на свете, и она будет бороться за свою любовь, и пусть все думают, что у нее нет гордости и чувства собственного достоинства.

Ее отделяли от Мити всего несколько метров, но одеревеневшие от долгого стояния на морозе ноги не слушались, и Дина поскользнулась, потеряла равновесие и со всего размаха полетела вниз лицом на обледенелый тротуар. Словно в замедленной съемке она видела, как Митя вслед за белой песцовой шубкой поместился на заднем сиденье, захлопнул дверцу, привлек Верку к себе и приник к ее губам в страстном поцелуе.

Дина опустила голову в снег и зарыдала.

— Девушка, что случилось? Вам помочь? — раздался над ухом чей-то голос.

— Не надо, — глухо буркнула Дина, зарываясь лицом в сугроб.

— Э, нет, так не пойдет. Ну-ка, согните ноги в коленях.

Сильные руки подхватили ее под мышки, поставили на тротуар. Дина закрыла лицо шарфом, пытаясь унять судорожные рыдания.

— Послушайте, — продолжал голос, — вы же совершенно окоченели. Пойдемте внутрь, в клуб, погреемся.

Дина вытерла глаза тыльной стороной ладони, представляя, во что превратился ее замечательный макияж. Ей было невыносимо стыдно за то, что она на глазах у прохожих бежала вдогонку удаляющемуся такси и валялась в сугробе, захлебываясь рыданиями.

— Спасибо, не надо, — пробормотала она.

— Ну-ка, посмотрите на меня.

Молодой человек, на вид чуть старше двадцати, коренастый, крепкий, ненамного выше

Дины. Глаза серые, прищуренные, непослушные светлые волосы выбиваются из-под вязаной шапки. Лицо широкое, открытое, улыбка до ушей. Полная противоположность Мите.

— Значит, так. Меня зовут Сергей. Я в этом клубе по ночам подрабатываю. Сейчас одиннадцать часов. Мы зайдем, выпьем чего-нибудь горячительного, вы придете в себя и спокойно отправитесь домой. Я вам не навязываюсь, просто отпустить сейчас одну в таком состоянии не могу. Вы уж извините.

— Спасибо, не надо, — повторила Дина. — Я здесь рядом живу.

— Тем более. Возвращаться будет недалеко. Ну, смелее, заходите.

Только оказавшись в тепле, Дина поняла, как сильно замерзла. Пальцы заоченели, колени не сгибались, зубы выбивали барабанную дробь. Сергей усадил ее за столик, заказал текилу с лимоном и орешками, и Дина, незаметно для себя, опрокинула то ли три, то ли четыре рюмки. После этого ее застенчивость и смущение испарились бесследно, язык развязался, и девушка принялась в подробностях рассказывать Сергею о своем горе.

— Представляете, они меня предали — Митя и моя подруга. Я еще тогда, на дне рождения, почувствовала: что-то с ним случилось. А потом все пошло наперекосяк. Я сама виновата. Не надо было мне связываться с этой Веркой. Я же все про нее знала...

— Она тут «ни при чем», — откашлявшись, вставил Сергей.

— Как это — ни при чем? Она к Мите влезла, она умеет...

— Если он ухлестывает за ней, значит, сам этого хочет. Не Верка, так другая девка. Он вас предал, потому что был готов к этому.

— Я не верю. Вы просто наговариваете на него! Митя не такой! — Раскрасневшаяся Дина вскочила на ноги и в негодовании громко хлопнула ладонью по столу. — Перестаньте сейчас же! Или я уйду!

— Да ради Бога! — хмыкнул Сергей, пожимая плечами. — Скатертью дорожка! С ней возятся, а она сцены устраивает! Детский сад, честное слово!

Дина бросилась вон из клуба.

На улице бушевала вьюга. Порыв холодного воздуха чуть не сбил ее с ног, и Дина немного протрезвела. Она помялась несколько секунд на крыльце, а потом медленно побрела в противоположную от ее дома сторону, к мосту, который спускался над железнодорожными путями к часовому заводу. Слезы одна за другой катились из глаз, и ничего с этим поделать было нельзя. Самое страшное заключалось в том, что Дина понимала: Сергей прав. Митя предал ее потому, что сам хотел этого.

Хмель еще слегка кружил голову, поэтому Дина, находясь в приподнятом настроении, принялась строить планы мести неверному возлюбленному. Например, можно организовать знакомых ребят, чтобы набили ему морду. Или раздобыть где-нибудь флакончик кислоты и плеснуть Верке в лицо, ха, пусть потом уводит чужих кавалеров. А можно Мите на работу какую-нибудь анонимку подкинуть, и он останется без гроша в кармане. Больно нужны Верке безработные...

По мере того, как Дина возвращалась к реальности, ей становилось все более неловко. Во-первых, за свои дурацкие мысли. Во-вторых, за свое поведение по отношению к Сергею. Он ее подобрал, обогрел, а она ему плюнула в лицо. Это его добрая воля, что он выслушал ее излияния по поводу Мити, да еще и правду про него сказал. Надо бы извиниться перед этим молодым человеком. Но как? У нее нет его телефона, она знает только, что он по ночам подрабатывает в этом ресторане. Но кем? Официантом? Охранником? А вдруг стриптизером?

От таких мыслей Дине стало смешно. Она остановилась и огляделась по сторонам. Ветер стих. Стояла глубокая ночь. Небо, озаренное неоновыми огнями, казалось бурым, низким, плотным. В оранжевом свете фонарей над мостом кружились и тихо падали на мостовую мягкие пушистые снежинки. Внизу медленно пыхтел состав, подъезжающий к вокзалу. Люди приехали в Москву отмечать Новый год. От сознания того, что она не одна в этом безжалостном, занесенном снегом городе, Дина улыбнулась. Завтра наступит новый день, в который она войдет с высоко поднятой головой.

Глава третья

— Что-то Митя давно не звонит, — перед самым Новым годом заметила мама.

Дину поразило, что в голосе Светланы Алексеевны не было привычного сарказма. Как правило, исчезновение из поля зрения дочери любого ухажера вызывало у матери положительную реакцию, если не сказать, приступ злорадства. На сей же раз мама повела себя на удивление чутко. Она словно понимала: отсутствие Мити делает существование Дины пустым, безрадостным, горьким. Словно поверила в то, что дочь переживает самую серьезную катастрофу в жизни.

Светлана Алексеевна действительно обратила внимание, что Дина сильно изменилась. Исчезла ее детская беззаботность, непосредственность, дочь стала замкнутой, плохо спала по ночам. Казалось, она постоянно подавляет истерику, изо всех сил стараясь убедить окружающих, что увлечена учебой и общением с подружками. Отчаяние, которое стояло в Дининых глазах, Светлана Алексеевна безошибочно связывала с затянувшимся отсутствием Мити. Мать чувствовала, что произошло что-то непоправимое, и не знала, как себя вести, чтобы не нанести дочери еще более сильную травму.

— Митя больше не придет, — ровным голосом сообщила Дина. — Я буду справлять Новый год с другим человеком.

— С кем? — упало сердце у Светланы Алексеевны.

— Его зовут Сергей. Он студент. Институт электронного машиностроения. По вечерам подрабатывает в нашем клубе звукооператором.

— Он тебе нравится?

Дина вскинула на мать глаза. У Светланы Алексеевны был такой растерянный вид, что дочь улыбнулась.

— Ну конечно. Хороший человек. Добрый и все такое. Он и тебе понравится.

Дина разыскала Сергея на следующий же вечер после их странного знакомства. Просто подошла к клубу, расспросила охранника и, выяснив, что Сергей начинает работу в одиннадцать, устроилась за столиком возле рубки звукооператора.

— Я хотела перед вами извиниться за свое вчерашнее поведение, — сказала Дина, когда молодой человек, предупрежденный охранником о том, что его ждут, подошел к ней. — Спасибо за то, что помогли мне. Все так глупо получилось...

— Не переживайте, — улыбнулся Сергей. — Все бывает.

— Счастливы вам, Сергей. Удачи.

Дина собралась было пройти мимо него к выходу, но Сергей остановил ее вопросом:

— Дина, а не хотите остаться, послушать концерт? У нас сегодня «Алиса» поет. У меня в рубке посидите...

Обрадованная, Дина осталась. Глубокой ночью Сергей проводил ее до дома, они обменялись телефонами, и на следующий день Дина отправилась на свидание.

Ничего, кроме благодарности, она к Сергею не испытывала. Держалась с ним подчеркнуто вежливо, но отстраненно. Словно делала Сергею одолжение, встречаясь с ним. Сама никогда ему не звонила, даже если обещала и знала, что молодой человек будет ждать.

— Понимаешь, совсем из головы вылетело, — равнодушно пожимала плечами Дина. — Столько дел накопилось...

О себе Дина старалась говорить как можно меньше, все больше загадочно улыбалась. На

примере Сергея она сделала ряд важных для себя открытий, например, что отсутствие в общении излишней эмоциональности, молчаливость, заставляют собеседника чувствовать себя неудобно, суетиться, без умолку говорить и вообще всячески пытаться установить контакт. Она поняла, что едва заметный прищур глаз, слегка приподнятая бровь могут значить гораздо больше, чем многословная тирада. Очередным ее открытием стало то, что лесть, даже самая грубая и неприкрытая, брошенная походя, как бы невзначай, производит на людей неотразимое впечатление. Сергей, который был отнюдь не глупым человеком, неизменно попадался на такую приманку. Дину его реакция удивляла и одновременно забавляла. Это были новые для нее ощущения. Они доставляли девушке неведомое ранее удовольствие от сознания собственной власти над людьми, вселяли чувство того, что она сильнее и лучше других. Но одновременно они ее пугали.

И все же страх не был настолько силен, чтобы заставить Дину перестать экспериментировать. Узнав, что со временем молодой человек намерен заняться торговлей компьютерами, Дина небрежно заметила:

— Очень перспективное направление, моя мама всегда так говорит. От души желаю успеха на этом поприще.

Сергей крепко сжал ее ладонь, потом вдруг наклонился и поцеловал тонкие пальчики.

— Какая ты чуткая, Дина... Меня никто так не понимал, как ты. Словно мы сто лет знакомы, а ведь встречаемся всего несколько дней...

— Знаешь что? — вдруг сказала Дина. — Приходи к нам праздновать Новый год. Мама тоже занимается компьютерами. Думаю, вы найдете общий язык. Она у нас, так сказать, на переднем крае науки. Да и связи у нее обширные.

— Как-то неудобно, праздник все-таки, а я о делах буду говорить...

— Ну, не говори...

Новый год прошел скучно. Единственным развлечением оказался телевизор. Сергей на роль души компании не годился, на вопросы хозяйки дома отвечал односложно, ни петь, ни танцевать, ни играть на музыкальных инструментах не умел. Кроме того, он очень стеснялся и потому то и дело прикладывался к принесенной им в качестве подарка бутылке смирновской водки. Дина просидела весь вечер словно набрав в рот воды, и Светлана Алексеевна, пожав плечами, рано отправилась спать.

Дочь с гостем перебрались в Динину комнату.

— Скажи, ты меня позвала, чтобы этому своему Мите отомстить? — поинтересовался Сергей.

— С чего ты взял? Просто позвала, и все. Или ты не рад? — натянуто улыбнулась Дина.

— Не сердись. Понимаешь, меня так к тебе тянет... — прошептал Сергей, кладя Дине руку на талию. — Ты удивительная девушка. Сильная, гордая. Никогда не встречал таких.

— Ну, еще встретишь, — отозвалась она, отстраняясь.

Сергей придвинулся ближе, присел на стул, привлек Дину к себе, усадил на колени, обвил руками талию.

— Дина... Я понимаю, это глупо после недели знакомства... Я хотел тебе сказать, что не оставлю тебя. Ты замечательный человек, красивая женщина... Я хотел бы сделать тебя счастливой.

— Как же это?

— Дина, выходи за меня.

— Что?

— Не сейчас, когда будет можно. Я согласен ждать.

— Ты что, меня любишь, Сереж?

— Очень.

— Я как-то не готова ответить прямо сейчас... Я не ожидала...

— Подумай годика два, — улыбнулся Сергей. — Времени много. Закончишь школу, поступишь, куда хочешь, потом поженимся.

Он провел кончиками пальцев по щеке девушки, потом привлек ее к себе и крепко поцеловал. Дина не успела опомниться, как Сергей легко, словно перышко, подхватил ее на руки и перенес на кровать.

Что ж, чему быть, того не миновать. Дина вытянула похолодевшую от волнения руку и погасила ночник. Ей, конечно, было страшновато — как-никак, первый опыт... Шумно пыхтящий Сергей особого воодушевления не вызывал. От него несло спиртным и селедкой с луком, которую заботливо приготовила к празднику мама. Слезы против воли покатались у Дины из глаз. Она не хотела, чтобы Сергей видел, как она оплакивает свою первую любовь, своего Митю, его страстные неторопливые поцелуи, по сравнению с которыми постельная акробатика Сергея казалась грубой и примитивной, оставляя в душе мутный осадок и единственное желание: чтобы все это как можно скорее закончилось.

Сергей же, напротив, остался Диной очень доволен. Несмотря на то, что он никогда об этом не говорил вслух, его мужскому самолюбию очень польстило, что он оказался у Дины первым. Кроме того, продолжая свои психологические эксперименты, Дина утром следующего дня одобрительно отозвалась о сексуальных способностях Сергея и даже, хохотнув, назвала его «жеребцом».

Скоро стало понятно, что Сергей не может без нее и дня прожить. Он встречал ее по утрам возле дома, провожал в школу, в выходные водил в ресторан или в кино, дарил подарки, причем часто довольно дорогие. Через некоторое время Дина и сама привыкла к нему, однако сказать, что она влюблена в Сергея, означало бы погрешить против истины.

Пять месяцев до выпускного пролетели незаметно. С Веркой Дина периодически сталкивалась в школе, но больше не разговаривала. Та, со своей стороны, не пыталась ни унижить Дину, ни намекнуть на то, как легко, можно сказать, одним пальцем, отбила у нее Митю. Дина тоже делала вид, что ничего не случилось, и молчала, стиснув зубы, терпела безумную боль где-то внутри, в глубине своего оскорбленного женского существа.

Выпускные экзамены благополучно остались позади, и им на смену пришли гораздо более серьезные — вступительные экзамены в вуз. Галка подала документы в педагогический, Дина на юридический. Жаркий июль пролетел, как в тумане. Наконец все закончилось, и обе подруги, отыскав свои фамилии в списках поступивших, отправились в кафе отмечать это эпохальное событие.

— Знаешь, а у меня еще одна новость, — доверительно сообщила Галка, потягивая через трубочку коктейль. — Все-таки Соломатина у нас в классе первой выскочит замуж. В семнадцать лет, с письменного согласия родителей. Я их тут встретила в центре, на «Тургеневской», из загса возвращались, заявление подали. С Митей, между прочим. Ты как, не переживаешь по этому поводу?

— Да нет, не особо, — лениво отмахнулась Дина, стараясь, чтобы Галка не заметила ни ее прерывистого дыхания, ни дрожания рук. Сердце так бешено заколотилось в груди, что Дина испугалась: оно вот-вот выпрыгнет и поскачет прямо по столу навстречу оторопевшей Галке. — Не очень-то и хотелось. Мне Сережка предложение сделал, так что Митя — это

уже вчерашний день.

— Отлично, поздравляю, — скучным голосом отозвалась Галка. — Мне показалось, Верка в последнее время какая-то противная сделалась. Некрасивая.

— Значит, не расцветает, как моя мама говорит.

— Да, видимо. Чего не скажешь о тебе. Общение с Сережкой явно пошло на пользу. Ты прямо светишься изнутри. Похудела, построинела, кожа как бархат, глаза глубокие, улыбка, как у Джоконды.

— Ты хочешь сказать, что я выгляжу лучше Верки? — оторопела Дина.

— Это первое, о чем я подумала, когда увидела ее с Митей под руку.

Значит, Митя выбрал Верку не за сногшибательные внешние данные. С этим Дина еще могла бы скрепя сердце смириться. А вот предположение, что Верка взяла его чем-то другим — интеллектом, постелью или добротой, — разбивало все Динины обвинения в адрес неверного возлюбленного. Получалось, что она сама чего-то недодала Мите, чем-то не увлекла его.

Дина откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками. Слезы хлынули ручьем. Девушка захлебывалась, кричала, стучала затылком о стену. Испуганная Галка подскочила к Дине, не зная, что делать, схватила голову подруги, прижала к своей груди, залопотала что-то бессвязное. От стойки к девушкам подлетела официантка со стаканом воды, принялась прыскать Дине в лицо, а та все колотилась у Галки в объятиях, выкрикивая только одно слово:

— Ну почему, почему, почему, почему?..

Глава четвертая

— Слушай, давай разводиться, я так больше не могу! — завел свое Сергей, едва Дина погасила свет. — Сколько лет можно мучиться! Что ни делаю, все нехорошо! Что ты за бесчувственная кукла такая!

— Сереж, не начинай, я устала, — раздраженно отозвалась Дина. — Я спать хочу!

— Ты всегда хочешь спать! Лишь бы меня не видеть, наверное!

— Сереж, я с шести утра на ногах! Федька меня извел! И ноет, и ноет, зубки, наверное, режутся! Я уже ничего не соображаю!

— А ты думаешь, я что-то соображаю! Кручусь на работе целый день, стараюсь лишнюю копейку принести, а дома получаю по полной программе! Ты добиваешься, чтобы я бабу на стороне завел? Или Федьку растить без отца хочешь?

Дина резко вскочила, включила свет, повернулась к мужу. Растрепанная, в перекошенной ночной рубашке, закапанной грудным молоком, с темными кругами под глазами, она была в ярости.

— Слушай, иди куда хочешь! Хватит надо мной издеваться! Семь лет коту под хвост! Не мшу я с тобой! И не хочу! И не люблю! И никогда не любила! Иди к черту! Давай разводиться! Зачем только ребенка рожала, непонятно!

— Вот уж действительно! Ты все делаешь непонятно зачем! Замуж за меня зачем выходила? Чтобы Митьке насолить? Довольна? А у него-то семья сложилась, все хорошо, живут! А ты в пролете, Дина, в пролете!..

— Слушай, ты прекратишь меня этим Митькой попрекать? Анекдот какой-то! Семь лет прошло, как я его последний раз видела! Не нужен он мне!

Дина села на краешек огромной, в полспальни, кровати и тихо заплакала. Кризис ее семейной жизни был налицо. Сергей хороший человек, но муж, к сожалению, никудышный. Ни поговорить с ним по душам, как с Митей, ни сходить вместе куда-нибудь. Из всех видов досуга Сергей признавал только спорт, да и тот по телевизору. За семь лет их брака он, и прежде не отличавшийся сублильным сложением, растолстел вдвое, если не больше. Безусловно, Дина отдавала ему должное. Сергей старался, зарабатывал, но деньги тратил как-то, с точки зрения жены, нелогично. Двухкомнатную квартиру, которая досталась ему от родителей, взялся ремонтировать сам, поскупившись на мастеров. В итоге через год обои стали отваливаться, а сантехника — протекать. Пришлось все переделывать и платить втридорога. Сергей от этих неприятностей тактично самоустранился: уехал отдыхать куда-то на Байкал с приятелями. Дина разбиралась с нанятыми работниками самостоятельно, причем пару раз так называемые маляры по пьяной лавочке едва не сожгли ей квартиру.

Вернувшись же, Сергей собрал все оставшиеся сбережения, присовокупил к ним большую часть полученной после отпуска зарплаты и приобрел роскошный телескоп, с помощью которого по ночам обозревал необъятные просторы Вселенной с высоты семнадцатого этажа панельной башни над Головинскими прудами.

— Зачем?! — в сердцах бросила ему взбешенная Дина. — На эти деньги мы могли бы отдохнуть! В Египет, например, слетать или в Турцию!

— Что там делать, — лениво отозвался Сергей с дивана. — Я эту Турцию в гробу видел. А телескоп — вещь.

Несмотря на свое увлечение астрономией, научной стороной вопроса Сергей не

интересовался и специальной литературы не изучал. Он вообще практически не читал книг. Из своего пятилетнего опыта учебы в институте он вынес твердую убежденность в том, что образование — по большей части пустая трата времени, что так называемые «ученые мужи» в основном неудачники и бездельники, лишь рассуждающие о высоких материях. Главное, считал Сергей, — это жизненный опыт.

Закончив учебу, Сергей некоторое время занимался торговлей компьютерными комплектующими. Однако затем ему подвернулся, как он считал, более перспективный и выгодный бизнес, и Сергей переключился на реализацию алкоголя. Вместе с бывшим однокурсником Костей он несколько лет держал небольшой винный магазинчик и очень гордился своим предприятием. Сергею нравилось рассказывать Дине о достижениях, в особенности о том, как ему удалось расширить бизнес — взять в аренду площадь в супермаркете и открыть отдел спиртных напитков.

Сергей стал все чаще приводить в дом своих приятелей, бывших однокурсников. На первый взгляд, все они были достаточно приличные люди. Один преподавал, другой открыл собственное дело, третий выбил себе грант на научные исследования. Однако выпить гости любили невероятно, а в пьяном виде становились злыми и желчными и наперебой клеймили окружающий мир — от женщин, с которыми жили, до президента и артистов эстрады. Пару раз били посуду, а однажды приезжала милиция, потому что любимый Сережин дружок Костя вылез на балкон и принялся палить в воздух из газового пистолета.

Но хуже всего стало, когда родился Федька. Если раньше, едва Сергей заводил свою шарманку с выпивкой, Дина молча собиралась и ехала ночевать к маме, то с грудным ребенком на руках подобная эвакуация была невозможна. Несмотря на то что Сергей купил новенький «форд», водить машину Дине он не давал, тогда как сам частенько садился за руль, даже будучи изрядно навеселе.

Отношения супругов все ухудшались, и в конце концов перед ними вполне логично встал вопрос о разводе. Дина хорошо помнила тот разговор. Тем более что, несмотря на сделавшуюся невыносимой обстановку в семье, такой поворот событий застал Дину врасплох.

— Сереж, давай поговорим, — не выдержала она в один прекрасный день. — Ты уже не мальчик. К тридцати годам пора, наверное, успокоиться. У нас маленький ребенок, а дома, по твоей милости, проходной двор. Федьке нужен покой, а тут полночи кто-то ходит по кухне, дверью хлопает, стаканами звенит. Смех громкий, разговоры, песни горланите под гитару. Я тоже спать не могу. Ты не мог бы хоть немного считаться с моими интересами?

— Что ж мне теперь — с друзьями не общаться?

— Почему? Общайся на здоровье. Только... Обязательно при этом пить столько?

— Ты считаешь, это много? Да ты, мать, не видела, как люди пьют! Тебе еще повезло с мужем, это все говорят! Меня ребята даже высмеивают, что я за твою юбку так держусь. Все дома, дома, с друзьями тоже дома встречаюсь. А ведь мог бы по кабакам шляться. Или по бабам.

— Сереж, я действительно никогда не видела, как люди пьют...

— Это потому, что отца у тебя не было, Дина! Мать твоя, чокнутая, держала тебя взаперти, под стеклянным колпаком, ты ни жизни не знаешь, ни мужиков толком, кроме этого своего Митьки, не видела. Он, поди, не пил?

— Не пил.

— Вот и бросил тебя, дуру! А ты все сохнешь по нему! И счастья своего не понимаешь!

— Не понимаю, Сереж. Только Митька здесь ни при чем. Я тебе уже сто раз говорила. Оставь его в покое.

— Ну как же, оставь... Идеал твой. Он мне жить спокойно не дает, и у нас с тобой из-за него не клеится.

— У нас не клеится не из-за него. У нас не клеится потому, что ты меня не понимаешь, не слушаешь...

— Что слушать-то? О чем ты с подружками часами треплешься, с Галкой этой? Это же сдохнуть можно, Дина! Вы живете позавчерашним днем! Эти ваши книжки, киношка советская, барды замшелые! Ты хоть молодец, ребенка родила! А Галка — дура! Сидит в своей школе за нищенскую зарплату и поучает всех, кого ни попадя! Ладно бы только малолеток, а то еще и нас с тобой! Ах, мораль! Ах, нравственность! А у самой ни гроша за душой! На родительские подачки существует! Вот она, цена ее нравственности! Двадцать пять лет — и не замужем!

— Это теперь не обязательно. Быть замужем — не значит быть счастливой.

— Ты на что намекаешь? — неприязненно сощурился Сергей.

— Ни на что. Просто мне не нравится, что ты оскорбляешь мою подругу.

— Ох, Дина, Дина! Слова-то какие — «оскорбляешь»! Что на правду обижаться? Галка твоя — неудачница! И ты бы такой была, если бы не я. Вспомни, из какого болота я тебя вытащил! У нас квартира, живем отдельно от твоей мамы, одеты-обуты, мальчишка растет. Чего вам, бабам, еще надо? Любая бы на твоём месте порхала от счастья! А тебе нейдет. Все потому, что ты эгоистка. Никого не любишь. Никому не благодарна.

— Сережа, я тебе очень благодарна. Ты мой муж, я тебя уважаю. Просто... Ты же умный, рассудительный человек. У тебя семья. Мне казалось, ты хочешь этого ребенка.

— Так и есть. Федька, сын... Я за него горло перегрызу!

— Зачем перегрызать, Сережа? Почему нельзя жить спокойно, мирно, чтобы никому не было обидно? Зачем тебе эти пьянки? Ты же не был таким, когда мы познакомились!

— Правильно, Дина. Не был. Ты меня довела. Вот и ищу утешения.

— Чем же я тебя довела?

— Митькой своим. Меня-то ты небось никогда не любила, как его.

— Сережа, ради Бога! Как его — да, никогда не любила. Тебя любила по-другому. Как мужа, как отца своего ребенка. Я не понимаю, чего ты от меня требуешь!

— Не понимаешь? Ясно. Вот заведу себе другую, тогда сразу поймешь!

— Прекрати!

— Знаешь, Дина, какие у тебя глаза были, когда ты в тот вечер по сугробам за Митькой ползла? Собачьи. Влюбленные. Ты за него в огонь и в воду готова была. А теперь у тебя глаза холодные, равнодушные.

— Ты хочешь, чтобы я за тобой по сугробам ползала?

— Я хочу развестись с тобой.

Дина поперхнулась. Услышать такое от Сергея она не ожидала. Повисла пауза. Стало слышно, как в кухне из крана капает вода. Сергей стоял, отвернувшись к окну, сжав кулаки. Дине стало страшно. Она поняла, что муж не шутит.

Честно говоря, Дина никогда не воспринимала Сергея всерьез. Да, она была ему очень признательна за то, что много лет назад он подвернулся ей возле клуба как нельзя вовремя. Митя женился на Верке, и Дина потеряла его навсегда. Ей было так больно и так плохо, что просто необходим был рядом такой человек, как Сережа, — спокойный, уравновешенный,

надежный, работающий, самостоятельный.

Лишь одно, причем начиная с самого раннего этапа знакомства, омрачало их отношения. Сергей совершенно не терпел разговоров о Динином бывшем ухажере. Даже косвенные упоминания о Мите выводили Сергея из себя. Лучшую подругу Дины, Галку, он недолюбливал не в последнюю очередь именно потому, что она одним своим существованием напоминала ему о прошлом Дины. Сам он о своих бывших избранницах тактично помалкивал.

— Встретила на днях Митю в центре, — как-то раз при Сергее заметила Светлана Алексеевна. — Одет с иголочки, машина новая. Преуспевает, судя по всему. Тебе, Дина, привет передавал. Жаль, что у вас с ним ничего не вышло.

Сергей промолчал, но после этого замечания два дня не звонил и не появлялся. На третье утро Дина сама набрала его номер.

— Сережа, извини, пожалуйста, — сказала она. — Митька для меня ничего не значит. В моей жизни никого, кроме тебя, нет. Я хочу, чтобы ты об этом знал.

На том конце провода долго молчали, а потом Сергей сказал:

— Я сейчас к тебе приеду.

Где-то год их отношения были просто чудесными. Сергей словно оттаял, стал нежным, очень внимательным.

Когда Дине исполнилось восемнадцать, Сергей возобновил разговор о заключении брака, и она, разумеется, согласилась.

— Вот и славно, — обрадовалась Светлана Алексеевна, когда дочь сообщила ей, что они с Сергеем подали заявление. — Я очень за тебя рада. Жить будете, конечно, у нас?

Дина насторожилась. Слишком уж легко мама согласилась на ее ранний брак, да еще с человеком на пять лет старше. Слишком мало критиковала Сергея, слишком часто хвалила. На Светлану Алексеевну это было не похоже. У Сережи, как у любого человека, было немало недостатков, но мама почему-то упорно закрывала на них глаза. Дина не верила в то, что подобное благостное настроение продлится долго. Месяц-другой мама потерпит, а потом снова сядет на любимого конька. Найдет сходство с Дининым отцом и примется строить прогнозы на будущее дочери и зятя.

— Я пока не знаю, мам, — осторожно проговорила Дина. — У Сережки хорошая работа, может, квартиру снимем где-нибудь поближе к тебе. Все-таки молодая семья должна жить самостоятельно.

— Да какое там «самостоятельно»! — взвилась Светлана Алексеевна, и Дина сразу успокоилась: все в порядке, мама осталась такой же, как прежде, сейчас начнет ругать и указывать, как жить. — Ты студентка! Ты вообще знаешь, какие деньги надо за квартиру платить? А хозяйство? Ты, Диночка, меня извини, но ты ни приготовить толком не умеешь, чтобы мужу угодить, ни порядок в доме поддержать! Зайди к себе в комнату: дым коромыслом! Ты полагаешь, Сережа от этого в восторге будет? А сам-то он! Гвоздя не вобьет! Как вы жить будете?

Дина молчала, пока Светлана Алексеевна рисовала перед ней картину того, как их будущая жизнь неизбежно рухнет из-за не вбитого гвоздя и не постиранных носков. Что ж, мама неисправима. Значит, надо сделать все возможное, чтобы жить от нее подальше.

При первой возможности Дина деликатно поделилась своими соображениями с Сергеем. К ее удивлению и радости, оказалось, что будущий супруг уже давно озаботился столь животрепещущей для Дины проблемой и даже практически ее разрешил.

— Жить будем отдельно, — лаконично объявил Сергей. — Родители бабушкину квартиру на Лихачевском нам отдают. Целая двушка, правда, убитая, ремонт нужен. Но это уже детали.

Дина бросилась ему на шею. Вот он, мужчина ее мечты: уверенный в себе, любящий, справедливый, да еще с квартирой. Конечно, в плане мужского обаяния ему до Мити как до Луны, но это не важно. Стерпится, слюбится.

Поначалу и впрямь все было прекрасно. Окончив институт, Дина ни дня не работала и очень этим гордилась. Сергей приносил приличные деньги и требовал, чтобы жена постоянно находилась дома, при нем. Дина не могла не чувствовать, что и Галка, и другие подружки, вынужденные сами зарабатывать на хлеб, завидуют ей. Они экономили, считали копейки, откладывали на черный день, и при этом не могли позволить себе ни качественной одежды, ни отдыха за границей, ни хорошего автомобиля. А Дина могла.

Одной из первых ее шикарных покупок стала песцовая шубка, мечта бедной униженной юности, своеобразная компенсация за растоптанную любовь. Дина давно решила, что сделает себе такой подарок, чтобы окончательно избавиться от кошмара, который преследовал ее во сне на протяжении последних лет: изящная высокая Верка, опираясь на Митину руку, ступает на обледенелый тротуар. Темные прямые волосы выгодно оттенены белым пушистым мехом. Верка слегка наклоняет голову, словно прячась от зимней стужи в мягкий воротник, чуть придерживает его длинными пальцами, боясь, что он распахнется. Только глаза, огромные, прозрачные, равнодушные, глядят из-под соболиных бровей, лениво скользя взглядом по восхищенным лицам окружающих людей. Снежная королева, которая отобрала у Герды ее Кая.

Сергей отнесся к просьбе жены купить шубу с пониманием. В его представлении супруга преуспевающего бизнесмена обязательно должна была иметь дорогое манто. Он даже предложил вместо песка приобрести голубую норку, но Дина решительно отказалась.

Сергей пожал плечами и повез жену в магазин. Через полчаса они шли вдоль длинного ряда вешалок в меховом салоне на Тверской. Мимо проплывали роскошные норковые, рысьи, собольи, енотовые шубы, умопомрачительно дорогие курточки из шиншиллы и куницы, длинные, до пят, манто из серебристой чернобурки, изделия из меха каких-то уж и вовсе экзотических животных... Наконец Дина увидела то, что ей было нужно. Схватив вешалку с висящей на ней белой песцовой шубкой, она устремилась в примерочную.

Скинув пальто на руки подросшему Сергею, она скользнула в рукава вождеденной обновки. Продавщица тут же принялась рассыпаться в комплиментах и петь дифирамбы женской красоте и мужской щедрости. Дина не без удовольствия отметила про себя, что остальные покупательницы бросают в ее сторону завистливые взгляды. Завидовали, конечно, не шубе, а тому, как Дина в ней выглядела. Сергей, отступив на задний план, задрал нос так, словно ему дали Нобелевскую премию. Что греха таить, основания для необыкновенной гордости за жену у него были.

За годы жизни с мужем Дина, что называется, сделала себя. Не то чтобы она неделями томилась в косметических салонах или изводила себя тренировками в тренажерных залах. Юная, едва оформившаяся девушка превратилась в очаровательную молодую женщину, как говорится, с шармом.

Во-первых, Дина отрастила волосы. Вышло, конечно, не как у Соломатиной, та занималась собой с детства и всю жизнь положила на алтарь своей красоты. Однако теперь светлые Динины кудри плавными волнами спадали ниже плеч. Получилось даже пышнее,

чем у Верки.

Во-вторых, Дина несколько лет не ела хлеба, конфет и картошки. Просто не ела — и все. Как будто их нет. Результат превзошел все ожидания. В лице появилась утонченность, изысканность, которой так недоставало Дине в прежние времена, а благодаря умелому макияжу (сказались-таки уроки Соломатиной) глаза казались больше, глубже, выразительнее. От пухлых девичьих щечек остались лишь туманные воспоминания. Аккуратно выщипанные брови теперь казались удивленно приподнятыми, а во взгляде сквозила томность и нега.

Лучше всего удалась фигура. Дина не сомневалась, что, если сейчас их с Веркой поставить рядом, она ни в чем не уступит той недоступной красотке, какой Соломатина была в выпускном классе. Дина носила в основном черные обтягивающие вещи, выгодно подчеркивающие ее очень тонкую талию, маленькую грудь и стройные бедра. Запястья и щиколотки, конечно, подкачали. В Верке чувствовалась порода, у нее была тонкая кость. Зато Дининым великолепным маникюром восхищалась даже строгая мама. Теперь ладони казались уже, а пальцы длиннее. В общем, преобразование гадкого утенка в прекрасную даму состоялось, и теперь уже Дине оборачивались вслед прохожие, когда очень довольный и гордый Сергей распахивал перед женой дверцу своего серебристого «форда».

Легкий белый мех приятно щекотал шею, и Дина подумала о том, что она заслужила этот момент триумфа. Видел бы ее сейчас Митя! Он не угадал в Дине этой изюминки, не понял, в какую роскошную орхидею со временем расцветет скромный бутон. Слепец... Глупец... Дина могла бы подобрать еще много слов в его адрес, если бы отчетливо не понимала: как она жила эти годы, как себя меняла, как стремилась к совершенству, — все это ради него, Мити, ради призрачной надежды когда-то снова встретить его и...

Что будет, если она его встретит, Дина не знала. Уйдет ли она тогда от Сергея и соединится с Митей? А вдруг ей просто хотелось отомстить Мите и доказать ему, какое сокровище он упустил? А может, она восстановит с ним дружеские отношения и будет встречаться с бывшим возлюбленным, продолжая жить с мужем?

Однако Митя пропал из ее жизни бесследно. Женившись на Верке, он, насколько Дине удалось узнать из обрывочных сообщений Галки и других одноклассниц, открыл свое дело и переехал куда-то на юго-запад Москвы. Нового адреса и телефона Дина не знала, так что ни позвонить, ни как бы невзначай оказаться возле Митинового подъезда не могла.

— Знаешь, Галь, ты мне больше не рассказывай про Митю, — попросила как-то Дина. — Что зря болтать? Только раны старые бередить.

— Понимаю, — кивнула Галка. — Просто я думала, тебе интересно... Все-таки такая любовь была...

— Да не было, наверное, никакой любви, — пожала плечами Дина. — Так, детское увлечение. Если бы он меня любил, он бы не спутался с Веркой.

— Дин, ты такая молодец, — вдруг призналась Галка. — Знаешь, другая бы на твоём месте не выдержала. Бегала бы за Митькой, унижалась, умоляла вернуться. А ты — нет. Перешагнула через свое горе, замуж вышла, сына растишь. Сильная женщина. К таким все тянутся. Если бы тебя Митька увидел, он сам бы стал искать твоего общества.

— На здоровье. И получил бы кукиш с маслом.

— Ну зачем ты... Все делают ошибки.

— Но не все предают.

— Это в тебе мама твоя говорит, — поджала губы проницательная Галка. — Ты-то сама

его давно простила.

Дина оторопело уставилась на подругу:

— Откуда ты знаешь? Насколько я помню...

— Ну да, ты никому об этом не говоришь. Гордая. Только по глазам видно. Когда про Митю разговор заходит, у тебя глаза теплее становятся. Что бы там ни было, ты его любишь и грустишь по нему. А человек, как ни крути, рождается для счастья. Поэтому я за то, чтобы ты увиделась с Митей.

— А как же Сережка?

— Я против Сережки ничего не имею. Мне все равно, с кем ты будешь, лишь бы тебе было хорошо.

Дина помолчала, потом умоляюще взглянула на Галку.

— Галь, что мне делать? Девять лет прошло, а я живу как во сне. Митя — повсюду, то приснится, то наяву померещится. Сережка меня обнимает, а я вспоминаю Митины прикосновения. С мужем почти не разговариваю, все представляю себе, как мы с Митей сидели и часами что-то обсуждали. Руки его сильные, нежные помню, чуть соленый вкус губ... От запаха трубочного табака до сих пор голова кружится — Митька ведь трубку курил. Чуть повеет «Амфорой» — готова, как гончая, по следу мчаться за мужиком, который ею затягивается. Все надеюсь, а вдруг — он...

Галка притянула Дину к себе, обняла, погладила по голове.

— Бедная моя Динка... Ну чего ты мучаешься? Тебе надо с ним встретиться. Может, он так изменился за эти годы, обрюзг, облысел, спился, что ты от него мигом вылечишься.

— А если нет?

— А если нет... Тут уж как фишка ляжет, Дин. Или ты с ним опять сойдешься и Сережку бросишь, или ты ему не нужна вовсе, раз он сам с тобой встреч не ищет.

— Вот это скорее всего.

— Не факт. Попытаться-то стоит. Давай я попробую его разыскать. Мне это ничем не грозит. Устроим что-то вроде вечера выпускников, соберемся, без мужей, без жен и детей. Такие, какие мы есть. Знаешь, ностальгические воспоминания на мужиков очень действуют.

— Ты-то почему знаешь?

Галка отстранилась, опустила глаза, и Дина мысленно выругала себя за бестактность. У Галки никогда никого не было. Слишком уж она была одухотворенная и излишне начитанная в плане художественной литературы. Требования к людям предъявляла завышенные, но, несмотря на это, добротой отличалась необыкновенной, вечно всем помогала, решала чужие проблемы. Дине с ней было хорошо и спокойно, словно с сестрой, и Галке она доверяла самые сокровенные свои тайны.

— Это верно. Я, может, и не знаю, — тихо проговорила Галка. — Только мне тебя жалко, Дин. Я же все понимаю.

— Галочка...

— Я, пожалуй, обзвоню, кого смогу. Давай встречу у меня организуем, чтобы с ресторанами не связываться, лишние деньги не тратить. Я все равно одна, квартира свободная. А ты мне с угощением поможешь.

Через неделю Галка доложила, что ее обзвон принес некоторые результаты.

— Я с Юлькой Варичевой переговорила, она с Веркой вместе работает.

— Работает? Где? — опешила Дина.

Она почему-то была убеждена, что Верка никогда палец о палец не стукнет. Снежная королева, не для того она годами пестовала, холила и лелеяла свою августейшую особу, чтобы потом вкалывать ежедневно с девяти до шести. Неужто Митя не смог должным образом обеспечить Верку? И почему, в таком случае, она его не бросила, не подыскала себе мужика побогаче и попроторнее?

— Они работают в банке, — ответила Галка. — Юлька там в кредитном отделе, она же экономический факультет закончила. А Верка руководит рекламной службой. Юлька устроила. А Митя поднялся — слов нет.

— Да? — переспросила Дина, чувствуя, как сердце стремительно падает вниз.

— Заместитель директора агентства недвижимости. Отгрохал себе квартиру в Олимпийской деревне. Дочка растет, твоему Федьке ровесница. Митина мама с ней сидит.

— Значит, и с мамой Митя помирился?

— Не он. Верка. Митина мама на нее прямо молится. Юлька у них в гостях периодически бывает. Говорит, не дом — дворец. А Верка — королева. Семейного очага.

— Кто бы мог подумать, — задумчиво протянула Дина.

— Словом, позвала я народ на субботу, чтобы рано не расходились. Все в гордом одиночестве, а Верке я позвонила, долго ее улещивала, чтобы она Митю с собой прихватила. Она сначала ни в какую. Говорит, боится твои чувства оскорбить. Вину свою чувствует.

— А ты?

— А я ей спела песню, как у вас с Сережей все отлично и прекрасно, а история с Митей давно забыта и быльем поросла. В общем, уговорила. Вдвоем приедут. Так что готовься, Динка, в субботу твой звездный выход. Не подкачай. Пока.

Галка повесила трубку, а Дина еще долго сидела неподвижно, не реагируя на лепет двухлетнего Федьки, который совал ей ярко раскрашенную пожарную машинку и требовал закатить ее в игрушечный гараж. Руки у Дины дрожали, внутри, в желудке, образовалась какая-то противная холодная пустота, словно она летела вниз с трамплина. Сердце предательски колотилось в груди, в ушах звенело, губы кривились и никак не могли сложиться в спокойную равнодушную улыбку — маску, которую много лет подряд Дина носила, стремясь убедить окружающих и саму себя, что у нее все в порядке.

Значит, они довольны жизнью. Значит, Митя стал образцовым мужем и ни разу не дрогнул, не устыдился, не вспомнил о несчастной брошенной им девочке, которая барахталась в снегу возле ночного клуба на «Белорусской» и заливалась слезами отчаяния. Которая сломала себе жизнь, выйдя за нелюбимого. Которая строила из себя гордячку и не стала выяснять отношений, а молча отступила в сторону, чтобы Митя был счастлив.

— Нет, дорогой мой, — каким-то чужим голосом вдруг произнесла Дина. — Не выйдет. Ты совершил подлость. Ты должен понести наказание. Если Бог не сделал этого, я совершу возмездие сама, без его помощи.

Дина вызвала маму сидеть с Федькой, а сама составила список дел, которые предстояло проверить до субботы. Салон красоты и поход по магазинам занимали две первых строки. Когда Митя увидит преображенную девочку из своего прошлого, он будет потрясен.

Однако первое потрясение испытала мама, а второе — Сережа. Когда днем в субботу Дина забежала домой переодеться для своего решающего выхода в свет, зять и теща обедали, сидя в кухне. Как водится, центр стола украшала бутылка водки «Абсолют». Сергей под видом угощения тещи опрокидывал стопку за стопкой. Глаза у него уже были масляные, лицо красное, а голос чересчур громкий и энергичный. Светлана Алексеевна тоже пребывала в несколько приподнятом настроении. Она уже давно усвоила, что запрещать зятю пить — все равно что рубить сук, на котором сидишь. Сергей от подобных ее запретов буквально зверел, а вот когда Светлана Алексеевна соглашалась пригубить вместе с ним рюмочку-другую, теща становилась лучшим другом и даже доверенным лицом.

В прежние времена мама с Сергеем могли часами говорить о компьютерах. Однако компьютерами и комплектующими Сергей давно не занимался, даже, наверное, забыл, как эти железки выглядят. Дина заметила, что у тещи с зятем некоторое время назад появилась новая общая тема, которую оба могли обсуждать бесконечно, всякий раз смакуя новые подробности. Тема затрагивала ее, Динину, черную неблагодарность по отношению к Сергею. Светлана Алексеевна обожала при зяте чехвостить своего бывшего, но вовсе не забытого за давностью лет супруга и при этом отмечать, насколько зять, то есть Сергей, лучше, порядочнее, добросовестнее и интереснее Динино отца. Сергей слушал эти речи, словно музыку, осыпал тещу неуклюжими комплиментами и не забывал напоминать Светлане Алексеевне, чтобы она повлияла на свою бестолковую дочь, которая не понимает своего счастья. Дина подозревала, что обсуждают они ее постоянно, причем от раза к разу и мама и Сергей становятся все более ею недовольны.

— Ты куда это собралась? — выпалили родные в один голос, когда Дина в полной экипировке, включавшей шикарную укладку, бриллиантовые сережки и красное мини-платье, выросла на пороге кухни.

— К Галке, — как можно спокойнее отозвалась Дина.

— А вырядилась-то зачем так? — удивилась Светлана Алексеевна. — Ну прямо фотомодель! Тебе так не идет, Диночка. Скромнее надо быть. Ты же замужняя женщина, у тебя ребенок...

— Динка! — заорал вдруг Сергей, не стесняясь даже тещино присутствия. — Дрянь! Говори, падла, куда прешься! Завела себе кого, да? Кукла фарфоровая! Дома мы не можем! Нам подавай хахалей! Говори, не то убью!

Сергей резко встал из-за стола, с грохотом опрокинул табурет, перевернул на скатерть тарелку с остатками супа, зацепил стакан, который, жалобно звякнув, упал на пол и разлетелся на множество мелких осколков. Крепкая коренастая фигура мужа надвигалась на Дину, словно асфальтовый каток. Она не сомневалась в том, что Сергей сейчас ее ударит. В голове молнией пронеслось: бежать.

— Сережа, не надо! — завизжала Светлана Алексеевна, вскакивая с места и бросаясь к зятю, но было поздно. Сергей одним движением плеча опрокинул тещу на пол и метнулся к Дине.

То ли оттого, что он был сильно пьян, то ли оттого, что споткнулся в дверях, но Сергей не успел дотянуться до жены. Дина стремительно отступила назад, в коридор, в два прыжка домчалась до ванной, скользнула внутрь и заперла дверь на задвижку. В следующий миг Сергей рванул ручку на себя.

— Динка, открой!

Она отшатнулась в глубину просторной ванной. Конечно, муж пьян и себя не контролирует, но Дина все же надеялась, что у Сережи хватит ума при посторонних не устраивать драку и не ломать дверь. У нее еще есть время. Галка звала к шести, сейчас только половина пятого. Вполне достаточно, чтобы Сергей проорался и рухнул куда-нибудь спать. Тогда она сумеет выбраться из квартиры, не пострадав. Почему-то единственное, о чем Дина сейчас беспокоилась, — как улизнуть из дома, не испортив шикарной и дорожкой прически и не помяв платица, купленного накануне в ГУМе. О том, как она будет после сегодняшнего общаться с Сергеем и, главное, как они смогут смотреть друг другу в глаза, когда вечером Дина вернется домой, она даже не задумывалась.

Сергей снова рванул дверь. Косяк предательски затрещал. В детской проснулся и заплакал Федька. Дина услышала, как Светлана Алексеевна входит в комнату внука, берет ребенка на руки и принимается успокаивать.

— Дина! Выходи, зараза!

Голос шел откуда-то снизу. Значит, муж сидит на полу под дверью ванной. До чего противно... Подумать только, если все это продлится еще несколько лет, Федька начнет что-то понимать, будет считать, что так и надо, что папа валяется пьяный и бормочет всякие мерзости.

— Динка...

В голосе Сергея было столько отчаяния, что Дине стало его жалко. Значит, он еще надеется, что его подозрения ничем не подкреплены. Наверное, она действительно не смогла дать ему семейного счастья в том смысле, как Сергей его понимал. Не принимала таким, какой он есть. Не любила. Всеми способами избегала близости. И, если называть вещи своими именами, сломала ему жизнь.

— Сереж... — Дина подошла к двери, опустилась на колени, прикинула губами к замочной скважине. — Сережка, ты все не так понял... Не сердись на меня. Мне страшно выходить...

— Дина...

Кажется, он всхлипнул.

— Сереж, ты иди, ложись. Выспишься, потом поговорим.

— И правда, Сереженька, — подхватила с другой стороны двери Светлана Алексеевна. — Пойдем, я тебе помогу. Ляжешь в кроватку, отдохнешь, а я пока с Феденькой погуляю...

— А Динка? — рявкнул Сергей.

— А Диночка ходит к подружке.

— Зачем?

— У Галки вечер выпускников, — поспешно затараторила из-за двери Дина. — Только наш класс. Все, кому она смогла дозвониться...

— То есть и Митька, поганец, будет? — взревел муж.

— Митька у них в классе не учился, — мягко, вкрадчиво проговорила Светлана Алексеевна. — Он только женился на Дининой однокласснице. А они собираются посидеть

без мужей и жен. Да, Диночка мне сама говорила. Ты не волнуйся, Сережа.

— А зачем тогда вырядилась?

Судя по тому, что голос Сергея стал удаляться, Дина сообразила, что матери все-таки удалось оттащить его от двери и завести в спальню. Дина прислушалась. Вот под тяжестью тела Сергея заскрипели пружины кровати. Вот на пол упали тапочки. Значит, Светлана Алексеевна разула и уложила его.

— Вырядилась, говоришь, зачем? — послышался спокойный голос мамы. — Похвастаться перед подружками хочет. У кого еще такой преуспевающий муж? А ты вообразил невесть что!

— Да? — заплетающимся языком проговорил Сергей. — Не знал!

— Ты еще много чего про нее не знаешь! — обрадованно подхватила Светлана Алексеевна и доверительно понизила голос. — Вырядилась! Не вырядилась, а нарядилась! Разве ради одного Митьки женщины наряжаются? Сережа, Сережа, это она специально, чтоб ты понервничал. А ты и попался! Теперь все козыри на ее стороне! Теперь ты виноват: не разобрался, накричал, с руками полез. А встал бы из-за стола, встретил красавицу жену, поцеловал, приласкал, комплимент сказал — она бы, может, и не пошла никуда, с тобой осталась!

— Так я сейчас...

Кровать опять скрипнула, и Дина внутренне похолодела. Ей вовсе не улыбалось опять видеть красную физиономию надравшегося мужа и тем более выслушивать от него подсказанные мамой комплименты. Однако Светлана Алексеевна вела свою игру. Причем, как догадалась Дина, не на стороне зятя.

— Сереженька, куда это ты собрался? — притворно сердито проворковала она, словно ведущая детской передачи. — Надо полежать, отдохнуть, сил наораться. Вот вечером встанешь, как огурчик, выйдешь к Диночке — и давай. Лаской действуй. Женщине, дружок, ох как ласка требуется. Вот мой бывший, Динин папаша...

Дальше последовал подробный рассказ о бывшем муже, воплощении мирового зла в мужском обличье, прерываемый временами замечаниями вроде: «А ты, Сереженька, совсем не такой», или «Вот дочке-то моей повезло, что у нее муж так не делает». Продолжалась эта психотерапия минут десять, и наконец из спальни донесся уверенный богатырский храп Сергея.

Дина бесшумно отворила задвижку и в коридоре столкнулась с матерью.

— Спит?

— Вроде того. Иди быстрее.

— А Федька?

— Мультики ему включила. Полчаса посидит спокойно.

— Мам, зачем ты этот разговор затеяла?

— Про что?

— Про то, что я вырядилась, не как замужняя женщина? — возмущенно зашептала Дина, застегивая в прихожей сапожки.

— Прости, вырвалось. Сама вижу, что дров наломала.

— Мам, ты уж, пожалуйста, как-то посдержаннее. Я, конечно, все понимаю, отец мой был козел, но зачем меня-то топить? Если Сережка меня прикончит, Федька сиротой расти будет.

— Спокойно ты очень об этом говоришь, Диночка. Давай-ка я тебя до лифта

провожу, — тихо проговорила Светлана Алексеевна.

Дина подхватила сумочку и неслышно выбралась на лестничную клетку. За ней, сжимая на всякий случай в кулаке ключ от квартиры, выскользнула Светлана Алексеевна.

— Дин, и давно у вас так?

— Как — так?

— Сергей руки распускает.

Дина опустила голову.

— Мам, я каждый день боюсь, что он меня побьет. Что ни ночь, то разборка. Видите ли, я его в постели не устраиваю. Слышала, как он меня называет? «Фарфоровая кукла». Иногда не «фарфоровая», а «резиновая». Я уж и так, и эдак от конфликтов ухожу. Ну что тут можно поделывать? Его же не интересуется, что мне с ним плохо.

— А тебе плохо?

— Хуже некуда. Какой-то он неотесанный. Ни обнимет, ни поцелует, слова доброго не скажет. Никогда не спросит, что я чувствую. В глаза не заглядывает. Не улыбается.

— А раньше?

— А раньше... Я уж и не помню. Тоскливо мне с ним — хоть волком вой. Из-за Федьки только и держусь.

— Ну, правильно, как я когда-то. Терпела-терпела, а потом не выдержала, на развод подала.

Дина замерла на месте. Ей прежде не приходило в голову, что история ее родителей повторилась через поколение. Еще лет пять — и она станет такой же мужененавистницей и брюзгой, как Светлана Алексеевна. Самое интересное, что мать смотрела на Дину виновато, опустив плечи, подрагивая уголками рта.

— Диночка, дочка, — тихо произнесла мама. — Я свою жизнь отжила, теперь уж ничего не поправишь. Не повторяй моих ошибок. Не мучайся ради ребенка. Федька вырастет, тебе за это спасибо не скажет.

— Что же мне делать? Разводиться? Сергей все время этого требует.

— Требует, потому что сам на развод никогда не решится. Это от тебя зависит. Если найдешь в себе силы уйти от него, у тебя появится шанс устроить свою жизнь по-человечески.

— Куда уйти-то?

— Ко мне. А эту квартиру потом разменяете.

— На что мы жить будем? Федька совсем маленький...

— Ничего, выкрутимся. Я с ним сидеть буду, ты на работу устроишься. И деньги появятся, и от мужиков отбоя не будет. Ты же у меня такая красавица...

Дина не знала, что и подумать. Брови у нее удивленно поползли вверх. Чтобы мама, самый строгий критик и самый беспощадный судья, вдруг похвалила, поддержала, не унизила, поверила в нее? О, ради этого можно было выдержать любые издевательства Сергея. Положительно, за сегодняшний день в мире произошли глобальные изменения.

— Иди, Диночка. Повеселись как следует. Митя-то будет?

— Ты же Сереже сказала, что нет.

— Надеюсь, я соврала.

Дина улыбнулась. В маме, оказывается, погиб талант актрисы.

— Митя будет.

— Поцелуй его от меня.

Светлана Алексеевна подмигнула дочери и бесшумно скрылась за дверью квартиры.

— Феденька! Ты где, мой зайчик? — послышалось приглушенно, и замок щелкнул с внутренней стороны.

Дина сделала глубокий вдох и нажала на кнопку лифта.

Глава шестая

Галка жила в соседнем доме. У нее была просторная квартира, доставшаяся от родителей, которые три года назад уехали работать по контракту в Штаты. Собственно, они Галку и содержали, потому что у себя в школе она получала гроши, зато работала с увлечением, детей обожала, и, надо признать, это было взаимно. Летом Галка, по старой студенческой привычке, вожатила в лагерях на море. Она возвращалась после трех смен совершенно шоколадная и необычайно собой довольная. Самое смешное, что ни разу ни одного курортного романа у Галки не завязалось. Девчонки считали, что она слишком ответственная: сказали ей следить за детьми, она и следит, ни на шаг не отходит. Галка выдумывала какие-то сумасшедшие конкурсы и праздники, сама играла на гитаре и писала удивительно смешные пародии, хоть сейчас отправляй в КВН. Коллеги надрывали животы, считали, что у нее зря пропадает талант и что она могла бы своими скетчами и песенками грести деньги лопатой. Однако Галка была неисправима.

— Для детей надо писать, как для взрослых, только еще лучше, — цитировала она Чуковского. — Ну, уйду я в эстрадные юмористы. А дети как же? Кто будет их нормальными людьми делать?

Галка преподавала, конечно же, русский с литературой, а в вечернее время бесплатно вела кружок. Количество мест в нем было ограничено, и за счастье ходить туда ученики боролись серьезно и основательно, даже те, кому гуманитарные науки, так сказать, были по боку. Галка рассказывала так интересно, так увлекательно, что писатели и поэты прошлого представляли перед замученными литературой учениками как живые люди со своими достоинствами и недостатками.

Галка прощала детям опоздания и ошибки, закрывала глаза на невыполненные домашние задания и забытые учебники, но одного не терпела ни при каких обстоятельствах — тупости, косности, нежелания развиваться. Хамов и наглецов не наказывала, зато высмеивала так тонко и остро, что очень скоро при ней даже трудные подростки, с которыми родители не знали, что делать, начинали вести себя более или менее прилично.

Собирая своих бывших одноклассников, Галка осталась верна себе.

— Еда — не главное, — безапелляционно заявляла она в ответ на справедливые вопросы народа о том, что с собой принести. — Даже выпивка — не главное. Главное — чтобы нам было весело. А это я беру на себя.

В субботу почти все собрались вовремя. Вначале, как водится, чуть-чуть выпили для разогрева, причем каждый гость произнес тост в свою честь. По Галкиному сценарию, надо было в паре фраз описать свой жизненный путь, пройденный за истекшее десятилетие, и пожелать себе чего-то самого сокровенного.

Когда очередь дошла до Дины, она встала и торжественно произнесла:

— Долгие годы, что мы не виделись, не прошли для меня бесследно. Семь лет брака и двухлетний сын Федька — мои главные достижения. Желая себе, чтобы на этом успехи не закончились, так как остается еще профессиональная реализация. Надеюсь, когда мы встретимся в следующий раз, лет этак через десять, у меня уже будет имя в среде адвокатов и полсотни громких выигранных дел, так что Федор сможет с гордостью сказать о себе: у меня отец русский, а мать — юрист.

Дине поаплодировали, за нее выпили. Потом со своего места поднялась Верка.

— Девять лет ушли на строительство новой жизни, — хорошо поставленным голосом произнесла она. — Я работаю в рекламной службе банка. Желая себе расти вместе с компанией и добиваться новых успехов.

И все. Ни слова о счастливом браке, о красивом муже, который сидел рядом, о дочери, наглядном результате их великой любви. Пока Верка стояла, Дина внимательно оглядела ее и с мстительным удовлетворением отметила про себя, что Соломатина катастрофически подурнела. От тонкой талии остались одни воспоминания. Былая покорительница мужских сердец прибавила никак не меньше двадцати килограммов. Лицо, прежде потрясавшее правильностью черт, теперь расплылось, у нее появился второй подбородок, который Верка прикрывала очень дорогим шелковым платочком. «Что ж, роды не пошли ей на пользу», — усмехнулась про себя Дина. Даже высокая прическа, которая в юности очень шла Верке и являлась предметом жгучей зависти одноклассниц, опрометчиво остригших свои косички, теперь смотрелась калачиком, который обычно носят в деревнях. Снежная королева превратилась в снежную бабу.

Одним словом, для Дины вечер удался. Галка подошла к делу творчески и написала сценарии встречи выпускников. В программе значились всевозможные детские конкурсы, в которых должны были участвовать бывшие одноклассники — теперь взрослые дяди и тети, почтенные отцы семейств и преуспевающие сотрудники известных компаний. Потом пели песни под синтезатор, подаренный Галке еще на двадцатилетие, играли в шарады, травили анекдоты, вспоминали истории из школьной жизни. В общем, народ покатывался со смеху, а Галка ликовала.

Наконец разгоряченные большие мальчики и девочки перешли от конкурсов и тостов к танцам. Юлька Варичева не поленилась, притащила ту самую хрипящую кассету, на которую они когда-то самостоятельно записывали свои выпускные танцы, безумно популярные десять лет назад. Дина сама принимала участие в записи, и где-то там была их с Митей песня — «Леди в красном» в исполнении Криса де Бурга.

Дина отпрыгала положенные быстрые танцы, с удовольствием отмечая, что ее новый образ или, как теперь стали говорить, имидж, среди одноклассников произвел настоящий фурор. То и дело кто-нибудь подходил к ней, чтобы выразить свое восхищение. Девчонки, большей частью, как и Соломатина, располневшие после родов, интересовались, на какой диете сидит Дина и сколько платит массажисту.

— Нисколько, — непринужденно пожала она плечами, прямо-таки упиваясь их нескрываемой завистью. — А ем, что хочу и когда хочу.

— Нет, ну ты просто красавица, — восхищенно протянула Варичева. — Тебе бы презентации проводить, на выставках работать. Хочешь, могу к нам устроить, в рекламный отдел.

— Я слышала, у вас место уже занято, — осторожно кивнула Дина в сторону одиноко сидевшей в углу Верки. Митя куда-то пропал, очевидно, вышел с ребятами покурить.

— Ты про Соломатину? — вполголоса переспросила Юлька. — Забудь. Ты же видишь, какая она стала. Увольнять ее, конечно, никто не будет: нельзя выгнать только за то, что некрасивая.

Некрасивая! Дина остолбенела. Как все изменилось! Роковая женщина, перед которой мужики падали ниц и складывались штабелями, теперь — некрасивая! Господи! Неужели она, Дина, сможет переиграть Верку, сбросить ее с пьедестала и наконец забрать себе то, что ей принадлежит по праву, то, чем Верка нагло пользуется уже девять лет?

Митю...

— К тому же, — продолжала Варичева, — Верка и сама понимает, что она в модели больше не годится. Она мне шепнула по секрету, что собирается подавать заявление.

— В декрет, что ли, опять уходит? — холодно хохотнула Дина.

— Не злобствуй, там не все так безоблачно. Она другую работу нашла, с повышением. В крупном рекламном агентстве, которое центральные каналы телевидения обслуживает. Верка только и живет, что на службе. Дома у них мрак.

— Да-а? — недоверчиво протянула Дина. — А вот мне Галка рассказывала, будто ты ей...

— Так то ей, а то — тебе, — подчеркивая каждое слово, понизила голос Юлька. — Въезжаешь, Диночка? Не все так гладко в Снежном королевстве.

— То есть?

— А то и есть. Верка уходит от Митьки собирается.

— Вот это да! А как же ребенок? У них, кажется, дочка?

— Дочка, да не их. В смысле, не Веркина.

— Как это — не Веркина? Приемная, что ли? — ахнула Дина.

— Да нет, Митькины грешки. Завел бабу на стороне, в Луганске где-то, а она взяла и родила. Верка все время работала, шашней его не замечала, а может, не хотела замечать. Только потом все выяснилось. Эта гражданка к нам в банк заявила, скандал устроила, Верку опозорила, как могла. Базарная такая тетка, как Митя мог с ней спутаться, ума не приложу. Объявила, что дочь у них и чтоб Верка мужу развод дала. А она даже не поняла, о чем речь. Митя-то, понятно, разводиться с ней не думал даже. Ему и эта баба, и дочка ее нужны, как собаке пятая нога. Он стал изворачиваться, оправдываться, отрекаться... Прощения у Верки просил, на коленях умолял. Баба эта луганская до того настырная оказалась! Прямо прохождению обоим не давала, вопила, что девочка безотцовщиной растет.

— Ну, где-то ее можно понять, — холодно вставила Дина. — Интересы ребенка тоже надо учитывать!

— Дин, ну не таким же способом! — покачала головой Варичева. — Да к тому же, как я понимаю, об интересах ребенка она не очень-то пеклась. Митька, знаешь, какую квартиру себе отгрохал в Олимпийской деревне? Бабе луганской квартира была нужна, а не отец для дочки. Пока она тут в Москве прохлаждалась да по банкам ругаться ездила, грудной ребенок, между прочим, в Луганске вообще неизвестно на чьем попечении находился.

— Обалдеть можно, — перевела дух Дина. Она даже не знала, радоваться тому, что Митина жизнь сложилась так бестолково, или жалеть и его, и злополучную Верку.

— И вот что интересно, — продолжала Юлька. — Луганская торчала здесь месяца два: угрожала судом, требовала денег, даже заявление написала в милицию, а потом вдруг бесследно исчезла. А ребенка Верке подбросила. Митя заявил куда следует, чтобы ее разыскали. В банк к нам следователи приходили, выясняли что-то. Кажется, они Верку с Митькой в убийстве подозревали.

— В убийстве? — ахнула Дина. Вечер выпускников, конечно, обещал быть интересным, но не до такой степени!

— Даже меня допрашивали — дескать, не замечала ли я чего, не угрожала ли Верка при мне этой бабе. Я, конечно, ответила категорическим «нет».

— А Верка?

— Верка держалась молодцом. Ни разу не прокололась, волю эмоциям не дала. В

общем, не нашли следователи ничего. Так дело и замяли.

— Так куда же эта баба делась?

— Понятия не имею. Насколько я знаю Верку, она могла и сама ей денег дать и куда подальше отправить. Факт в том, что по прошествии нескольких месяцев она заставила Митю официально признать отцовство. Девочка теперь у них живет.

— Вот тебе и Снежная королева! — присвистнула Дина. — А я-то думала, она после родов так раздалась.

— Да нет, Динка, — погрустнела Варичева. — Все гораздо хуже. Верка в больнице целый месяц лежала. В психушке. Транквилизаторами ее там накачали. Обмен веществ нарушен.

— Господи, Юлька, ужас какой...

— Знаешь, она ведь поседела вся. Волосы теперь красит.

Дина бросила короткий взгляд в сторону Верки. Та сидела в углу Галкиного дивана, равнодушная, отрешенно поглядывая на веселящихся одноклассников. Мити по-прежнему возле нее не было. Верка заметила, что Дина пристально изучает ее, и нервным движением поправила платочек на шее. При этом рукав кремовой блузки пополз вверх и обнажил запястье. Несколько изящных золотых браслетов съехали к локтю. Одного цепкого взгляда Дине оказалось достаточно.

— Что у нее с руками?

Усилием воли Дина заставила себе посмотреть прямо на Юльку.

— А ты не догадываешься? Вены резала. В реанимации откачивали.

— Зачем? — прошептала Дина.

— Когда про Митькины измены узнала, пережить не могла. Он же такой парень, простой, как три копейки. По командировкам много ездил. Все, кроме Верки, знали, что у него в каждом городе по жене. Просто одна настырная оказалась, про ребенка ему сообщила.

— Что ж он так? Вроде такая любовь была...

— Не может по-другому. Ему стыдно, он мучается, но... Темперамент, наверное, необузданный. Даже Соломатина, видишь, не смогла возле себя удержать.

— Как же они теперь живут?

— А Бог их знает. Верка на работе днюет и ночует. Кстати, Митина мама с внучкой сидит. Верку она уважает — слов нет. Ну согласишься, не каждая бы так смогла.

— Это точно. Я бы на ее месте плюнула на девчонку.

— Вот видишь. А Верка Митю любит. Потому и девчонке пропасть не дала. Митя-то дочкой не особо интересуется. Верка ее балует, все покупает. Причем на свои деньги.

— Юль, ты просто триллер мне какой-то рассказываешь. Слушай, ты не куришь?

— Нет.

— Ну пойдем, со мной на лестнице постоишь. Что-то мне от всего этого нехорошо стало. Надо стресс сигареткой потушить. Заодно насчет работы переговорим. Честно говоря, я дома засиделась, пора уже куда-то пристраиваться.

Юлька кивнула и двинулась в прихожую. Ошалевшая от обилия информации, Дина последовала за ней.

Плавно раскрылась дверь на лестничную клетку. Грязноватые обшарпанные стены были испещрены надписями. Тонкая белая трубка электрического светильника на потолке то и дело потрескивала, распространяя вокруг неровный свет. Дина огляделась в поисках чего-нибудь, отдаленно напоминающего пепельницу, и внизу, в полумраке, у окна, что

помещалось между двумя лестничными пролетами, увидела Митю.

Время до неузнаваемости изменило двух женщин, которые любили его, но совершенно не коснулось самого Мити. Высокий, худощавый, та же стрижка, что и девять лет назад — косая темная челка падала на лоб, когда Митя наклонялся. Выпрямляясь, он отбрасывал прямые волосы назад, пробегая по ним длинными тонкими пальцами, такими сильными, такими трепетными, Дина все это прекрасно помнила...

Митя бросил на Дину быстрый удивленный взгляд исподлобья и поднял голову навстречу девочке из своего прошлого. Дина заметила, что он аккуратно выбрит, а джинсовая рубашка в клетку расстегнута на груди. Митя всегда любил джинсу. В тонких пальцах мелькнула небольшая щегольская трубка. Запах хорошего дорогого одеколona смешивался с пьянящим ароматом «Амфоры». Митя улыбнулся той самой прежней улыбкой, от которой у Дины тут же вновь закружилась голова, подогнулись колени, задрожали ресницы...

— Здравствуй, Дина.

Она остановилась на верхней ступеньке, смяла сигарету кончиками пальцев, стараясь унять волнение и предстать перед своим возлюбленным иной, новой, недоступной. Она знала, как надеть маску Снежной королевы, она тоже научилась улыбаться старым знакомым, которые ничего для нее не значат, отстраненной загадочной улыбкой. Главное, чтобы глаза не выдавали чувств, смотрели спокойно и равнодушно.

— Здравствуй, Митя.

— Эй, Варичева! — послышался от дверей Галкин голос. — Ты, по-моему, говорила, что торт принесла?

Юлька на минуту застыла на месте. Она принесла вино, но его уже выпили. Про торт она ничего не знала. Однако бросив беглый взгляд на Митю с Диной, Юлька поняла, что сейчас ей нужно под любым предлогом убраться с лестничной клетки.

— Ах да! — преувеличенно любезно принялась тараторить Юлька. — Совсем забыла! Пойдем, Галка, я тебе помогу, все равно я не курю, делать мне здесь нечего. Про работу, Дин, позже переговорим...

Дина с Митей остались одни в полумраке лестничной клетки. Сероватые клубы табачного дыма тихо поднимались к потолку. Дина молчала, смотрела, не отрываясь, в Митино лицо, все такое же юное, свежее, красивое, как девять лет назад.

Нельзя так долго затягивать паузу.

— Как живешь, Митя? Ты за себя сегодня тост не поднимал.

— Динка, до чего же ты изменилась...

Он выпрямился, вытряхнул табак, спрятал трубку в нагрудный карман рубашки. В его глазах светилось неприкрытое восхищение, и вместе с тем — признание своей вины, мольба о прощении, искреннее раскаяние...

— Серьезно?

Надо призвать на помощь свое чувство юмора.

— Постарела, подурнела?

— Динка, ты самая красивая женщина на свете.

— Неужели?

Зло получилось, язвительно. Но ничего, она имеет на это право.

— Честное слово. Ты удивительно красивая.

Сколько она мечтала, чтобы тогда, в юности, он говорил с ней так. Сколько сил

положила на то, чтобы заслужить сегодняшней вечер. Сколько пережила с Сергеем, сколько ждала Митино возвращение... И теперь надо доиграть роль до конца, не броситься ему на шею, не прижаться мокрой от слез щекой к его клетчатой рубашке, не проболтаться о том, что девять лет, долгие девять лет, она так любит, так любит его...

— Спасибо за комплимент.

— Я слышал, ты работу ищешь? А в какой области?

— Известно в какой, по специальности. Я окончила юридический.

— Я рад, что у тебя все сложилось хорошо.

— Взаимно. Я так понимаю, у тебя тоже все отлично.

Словно тень пробежала по его лицу. Митя всегда отличался сдержанностью. Он ни за что не расскажет, что творится у него дома, он же не знает, что Юлька уже успела ввести Дину в курс дела.

— «Отлично» — слабо сказано. Разве Варичева не поставила тебя в известность?

Дина молчала. Митя и прежде умел читать ее мысли и понимать с полуслова. Что ей было делать? Заложить Юльку? Притвориться, что она пребывает в неведении? Ни то, ни другое. Из двух зол выбирают третье. И Дина равнодушно пожала плечами, сохраняя на лице загадочную улыбку Джоконды.

— Вижу, ты все знаешь. Я получил по полной программе. И, должен признать, справедливо.

— Не расстраивайся, все образуется. Ты все правильно сделал. Женился на любимой. Остальное — ерунда.

— Нет, Динка. Я дурак и всегда дураком был. На чужом несчастье счастья не построишь, это я теперь точно знаю. А кроме того... Тебе уже донесли, почему мы с Веркой расписались?

— Полагаю, ты предложение ей сделал. С букетом роз, стоя на коленях. Как самой лучшей, любимой и красивой.

— Я понимаю твой сарказм. — Митя снова вытащил трубку и стал набивать ее душистым табаком. — Ты имеешь право мне говорить все это. Я поступил подло. Поверь, я все эти годы мучился от этого.

— Вот как? Ты ни разу не позвонил, не попытался разыскать меня...

— Да, честно говоря, не попытался. Думал, все забудется, само собой уляжется.

— Улеглось?

— Нет. Прости, если сможешь.

Митя сказал это так просто, так искренне, что у Дины чуть не остановилось сердце. Все ее планы мести и желание играть в независимость и семейное благополучие в один миг улетучились, как дым. Дина опустила руку, положила незажженную сигарету на подоконник. Глаза ее наполнились влагой, тихие ручейки побежали по щекам. Вокруг все сразу стало нечетким, Митино лицо расплылось, клетки его рубашки наехали друг на друга. Все окружающее пространство заволочло туманом...

Митя обнял ее, притянул к себе, коснулся губами волос. Дина спрятала лицо у него на груди. И от поцелуев Мити, от его нежности, от того, как судорожно, трепетно его руки сжимали ее плечи, хрупкие лопатки, узкую талию, Дина таяла, как в юности...

— Представляешь, Вер, ученики мои — вот оболтусы... — раздался сверху преувеличенно громкий Галкин голос.

Галка, чудная, замечательная Галка, она все это сегодняшнее действие устроила с одной-

единственной целью — чтобы Дина наконец-то обрела утраченного девять лет назад возлюбленного. Она держала там, наверху, в прихожей, оборону, сколько могла: затащила наверх Юльку, не выпускала ребят курить, а теперь предупреждала Дину о том, что время аудиенции подошло к концу. Значит, Соломатина почуяла недоброе и идет на лестницу ловить неверного мужа.

Дина оторвалась от Мити, одним движением утерла слезы, в следующий миг взяла с подоконника невыкуренную сигарету. Митя услужливо включил зажигалку, подождал, пока Дина затанется, и шепнул:

— Вот моя визитка. Позвони, как сможешь. На работу устрою. И вообще... Все, что хочешь...

— Вот вы где! — воскликнула сверху Галка, картинно всплескивая руками. — А у нас с Варичевой уже торт давно на столе! Все сидят, едят, хорошо, Вера заметила, что Мити нет! А ты, Динка, где бродишь? Ты посмотри, Вер, твои ее курить научил! Митька, выгоню!

— Ну извините, извините! — виновато поднял руки Митя. — Каюсь, причастен, сигаретку поджег, больше не буду! Верочка, возвращаюсь!

Верка стояла неподвижно, пристально глядя на мужа. Дина вскинула ресницы, встретила с ней взглядом и похолодела. Без донная ночь, смертельное отчаяние застыли в потемневших голубых глазах Соломатиной. Дине показалось, что перед ней не двадцатилетняя преуспевающая бизнес-леди, а глубокая старуха, похоронившая всех своих близких.

Митя взлетел вверх по ступенькам, приобнял супругу за плечи. Верка не отстранилась, не дернулась, только как-то незаметно выскользнула из его объятий и медленно двинулась обратно в квартиру.

Из-за спины Галки выскочила Варичева, с беспокойством оглядела лестничную клетку, убедилась, что все в порядке, и махнула Дине рукой:

— Пошли чай пить.

— Сейчас, только докурю. Спускайся сюда, мы же не договорили.

Юлька послушно зацокала каблучками по ступенькам.

— Дин, у тебя зеркальце есть? Глаза подправь, разъехалось все, — остановившись рядом с Диной, посоветовала она.

— Юлька, ты мне не все сказала. Почему Митя с Веркой расписались?

— А он что, тебе намекнул?

— Да, начал рассказывать, а потом сбился как-то...

— Да уж, — расплылась в многозначительной улыбке Варичева. — А расписались они, что называется, по приколу. Верка как-то уговорила Митю познакомиться ее с мамой. Он долго отнекивался, сама знаешь, отношения у них были напряженные. Но Верка его уболтала. Пришли они, а дома никого. Ждали, ждали, не идет мама. Ну тут, понимаешь, дело молодое, устроились они в бывшей Митькиной комнате, только разыгрались, как — бац! — распаивается дверь, на пороге мама. Понятное дело — в крик. Дескать, водишь кого ни попадя, ты непорядочен, где Дина, и все такое.

— А она, оказывается, меня привечала.

— Еще как! Она надеялась, что Митька на тебе женится.

— Я тоже надеялась.

— В ответ на мамшины вопли Митька вскочил, в чем был, да как заорет: «Не смей сюда больше заходить! Это моя будущая жена! Мы через месяц расписываемся!»

— А Верка?

— Верка сама обалдела. И мама обалдела. Стоят, раскрыв рты, не знают, что сказать. Митька тоже растерялся, но не надолго. Понимаешь, он тогда до того с матерью на ножах был — человека мог убить, чтоб ей насолить, не то, что жениться. Верка его потом урезонить пыталась. Понимала, что он сгоряча сказал. Но Митя... Ух он и упрямый! Сказал, что как решил, так и будет. А Верка его обожала, просто души не чаяла, так что с радостью в загс помчалась.

— У нее же столько других было... — с горечью протянула Дина. — Ну зачем он ей сдался? Там же очередь из мужиков стояла...

— Дин, Верка когда про Митю начинает говорить, сама не своя становится. — Юлька положила Дине ладонь на плечо. — Она говорит, ни с кем у нее никогда так не было. Ей действительно многие предложение делали. А она в Митю вцепилась. Говорит, мужского обаяния в нем столько, сколько в сотне обычных мужиков не наберется. И любовник он выдающийся. Да ты сама, наверное, знаешь...

Дина промолчала. Значит, они с Веркой похожи, как две капли воды, значит, чувствуют одно и то же, когда приближаются к этому мужчине. Митя потрясающий, Митя удивительный, ему можно простить любые грехи, и подлость, и низость, и измены, и предательство. Потому что лучше его нет никого на свете.

Глава седьмая

Перед тем как лечь спать в Федькиной комнате, теща долго разливалась соловьем и на все лады уговаривала Сергея не попрекать Дину поздним возвращением. Однако, когда часы пробили пять утра, бледнолицый Отелло начал звереть.

Сергей мерил тяжелыми шагами большую комнату. Звонить Дине на мобильный он не хотел. Ничего нет глупее этих идиотских звонков. Все равно она будет врать, плести всякую ерунду насчет того, что не смогла поймать такси, или застряла в лифте, или забыла часы дома...

Ложь, сплошная ложь! Сергей не сомневался, что Дина встречается с Митей. Весь их брак был отравлен сознанием того, что любимая девушка вышла за него замуж, чтобы насолить своему предыдущему кавалеру. Сергей на свой лад старался делать все, чтобы Дина привязалась к нему, но она оказалась такой необщительной, такой холодной в постели, такой правильной в вопросах воспитания ребенка, что Сергею стало с ней смертельно скучно. Он пытался, как мог, разнообразить их отношения. Чтобы расширить круг знакомых Дины, Сергей приводил в дом своих приятелей. Однако дружеские посиделки не только не вызвали у жены восторга, но и порождали такое количество проблем, что Сергей стал все чаще ставить на стол водку, лишь бы не замечать Динино надутого лица, не слышать, как она хлопает входной дверью. После принятого пол-литра он валился, как колода, в постель, не думая о том, что жена снова повернулась к нему спиной и притворяется, будто давно крепко спит.

Сергей не понимал такого к себе отношения и настойчиво искал причину Динино равнодушия вовне. Если она так холодна с ним, значит, ее темперамент находит выход где-то в другом месте. В самом начале их совместной жизни Дина была другой: веселой, озорной, энергичной. Когда училась, могла закатиться домой с подружками — она первой на курсе вышла замуж, и только у них с Сергеем была отдельная квартира. С девчонками они пели под гитару слюнявые романсы, ночь напролет пили всякую ликерную бурду, а утром бодро отправлялись сдавать экзамены и зачеты. Сергею очень льстило, что подружки завидуют Динке, он специально перед гостями пел жене дифирамбы, танцевал с ней, кружил по комнате на руках. Девчонки переглядывались и вздыхали: дескать, вот бы и нам так. Динка вся светилась от счастья, и их с Сергеем ночи проходили бурно.

А потом все как-то поблекло. Дина окончила институт и села дома. Подружки разбрелись по работам, а она целыми днями мыла кастрюли или сидела, уставившись в телевизор. Сергей понимал, что ей скучно, но считал, что все это пройдет, когда родится ребенок. Сам он тогда много работал, домой приходил поздно, уставший и жаждущий женской ласки.

Однако вместо поцелуев и объятий жена встречала Сергея недовольным выражением лица и дежурным вопросом: «Есть будешь?» Дина всячески демонстрировала, что у мужа низменные потребности, его интересуют исключительно спорт и машина. Измотавшись на работе, Сергей не в силах был по вечерам еще тащиться с ней в театр или в кино — просто боялся там заснуть от усталости.

Рождение долгожданного ребенка, сына Федьки, стало крахом их семейной жизни. Теперь у Дины всегда было дежурное оправдание, почему она избегает общения с мужем: устала, ночь не спала, ребенок замучил и так далее. А по сути, как понял Сергей, причина

была проста: Дина его никогда не любила. Она до сих пор сохла по этому подонку Митьке. Теперь, несколько оправившись после родов, она стала его разыскивать, и Галку свою к этому делу подключила.

То, что Дина не звонит, могло означать только одно: она с ним. Где уж там, среди страстных объятий, вспомнить об одураченном муже, рогоносце и ревнивце.

Мысль о том, что его обманывают, а главное, что куча народу, включая его сладенькую тещу, об этом знает, выводила Сергея из себя. Он бы мог — теоретически — закрыть глаза на Динины шашни, если бы все происходило втайне. Но поскольку жена привлекла к этому процессу целую толпу союзников, те, разумеется, при встрече будут смеяться над Сергеем у него за спиной. Подобного безобразия он терпеть не собирался.

Сергей распахнул дверцу холодильника, вытащил запотевшую бутылку «Русского стандарта», плеснул себе сначала полстакана, потом еще столько же. Куда теща засунула огурчики, которые сегодня притащила к столу? Ну, не важно, можно выпить и без огурчиков. Проще хлеба отрезать.

На столе сверкал длинной серебристой рукояткой великолепный хлебный нож. Сергей поднял его, провел пальцем по острому лезвию. Тонкий порез проступил на коже, и через несколько секунд показалась маленькая капелька крови. Отличная вещь, прямо не нож, а кинжал джигита. Теперь бы вспомнить, где лежит хлеб...

Стукнула входная дверь. Дина повернула ключ в замке и заметила свет в кухне.

— Сереженька, ты не спишь? Мы тут с Галкой...

Голосок нежный, умиротворенный, словно ручеек журчит. Видимо, наконец-то добилась своего. Получила Митьку на блюдечке. Теперь и с одураченным мужем можно пококотничать. Нашла идиота...

Дина застыла на пороге кухни, как была, в белой песцовой шубке, в коротеньком красном платье, в сапожках, отороченных мехом. Широко распахнутые испуганные глаза, открытый в изумлении рот, стройные длинные ножки... До чего хороша... И все этому Митьке, все для него, гада...

Все вокруг заволкло розовым туманом. Сердце в груди билось громко, гулко, как церковный колокол. Кровь натужно стучала в висках, выбивая одно слово. Обманут. Обманут. Обманут.

Сергей больше не в состоянии был выносить эту муку. Он круто развернулся и одним точным движением полоснул Дину длинным блестящим лезвием по нежной полуоткрытой шее.

Он видел, как жена с хрипом осела на пол, пытаясь зажать рану руками. Алая кровь брызнула на ослепительно белый в электрическом свете лампы мех. Дина судорожно хваталась испачканными пальцами за платье, за светлые обои, за дверь, за стенку холодильника. Нож выпал у Сергея из рук, неестественно громко звякнув о квадратные плитки пола. Он увидел, как чья-то тень стремительно метнулась по коридору сначала к Дине, потом обратно в прихожую. Щелкнул замок, со стуком растворилась входная дверь, и резкий женский визг разнесся по спящей семнадцатипэтажке:

— «Скорую»!!! Милицию!!! Помогите!!! Зарезали!!!

Через несколько минут дом наполнил гулкий топот чужих ног. Кто-то пытался остановить кровотечение, кто-то брызгал водой в лицо бившейся в истерике Галке, кто-то махал у Сергея перед лицом кулаками. Хлопала входная дверь, в детской истошно ревел Федька, на которого никто не обращал внимания, мелькали незнакомые лица, белые халаты,

милицейский камуфляж. Сергей сидел на корточках, вжавшись в стену, словно пытаюсь сделаться незаметным, спрятаться от мучительного осознания того, что все кончено. Зато его больше никто не обманет. Суд, тюрьма, расстрел — какая разница? Все лучше, чем бесконечное падение в черную бездну отчаяния.

Дину положили на носилки, воткнули в тонкую голубую вену иглу капельницы и осторожно стали сносить вниз, к карете «скорой помощи». Из детской появилась теща, которая с перекошенным от ужаса лицом прижимала к себе орущего Федьку. Галка что-то повторяла Светлане Алексеевне, кажется, убеждала не ехать в больницу, объясняла, что сама отвезет Дину и останется с подружкой, сколько потребуется. Сергей почти не удивился, когда ему защелкнули на запястьях наручники. Хмурый сержант втолкнул арестованного в лифт. С тихим жужжанием двери закрылись, все заволкло туманом, и Сергей отключился...

Двери реанимобиля с шумом захлопнулись, и машина, завывая сиреной, помчалась по пустынной улице. За окном занимался серый рассвет. Галка сидела возле бледной забинтованной Дины, сжимала ее руку и пыталась нащупать пульс.

— Диночка, — всхлипывала Галка, — Диночка, пожалуйста, не надо, не умирай.

— Все будет хорошо, — донесся до Галки спокойный уверенный голос. — Ранение неглубокое. Повреждена трахея, слегка задета сонная артерия. Сделают операцию, и она поправится. Сразу видно, парень не профессионал. Что у них там произошло-то? Муж из командировки вернулся?

Галка подняла на врача глаза. Ему хорошо шутить, он в этой машине каждый день трупы возит, привык небось. А у нее, Галки, Дина одна. И для нее случившееся — не просто бытовуха. И не просто преступление. А нечто чудовищное, чему даже нет названия.

— Не из командировки вернулся, а напился, — нехотя ответила Галка.

Врач невозмутимо развел руками:

— Все в жизни бывает. Вы не убивайтесь так. Сегодня же все зашьют — и будете свою подружку навещать. Как вас зовут?

— Галя.

— А меня Олег. Если что — обращайтесь, Галя, смогу устроить посещения. Мы ее в Боткинскую возем, там специалисты хорошие.

Галка шмыгнула носом.

— Вот салфетка, возьмите.

Он протянул ей одноразовый носовой платок, и тут Галка наконец разглядела его лицо. На вид Олегу было лет тридцать пять. Близорукие глаза добродушно щурились за стеклами Очков. Спокойный, невозмутимый доктор, в меру циничный, всего повидавший на своем веку. Наверное, опытный, раз так уверенно строит прогнозы.

— Спасите ее, пожалуйста, — умоляюще прошептала Галка. — У Дины маленький ребенок остался.

— Ну, зачем так трагично — «остался». Выздоровеет мамочка, вернется домой, еще с мужем помирится, вот увидите.

— Ну это вряд ли.

— Все так говорят. А потом — ничего, опять полная любовь и взаимопонимание. О, глядите-ка. Больная оживает.

Галка взглянула в Динино лицо и вздрогнула. Та действительно приоткрыла глаза, явно не понимая, где находится.

— Так, голубушка, — решительным тоном произнес Олег. — Не вздумайте

разговаривать. Это сейчас лишнее.

— Диночка, — горячо зашептала Галка, — я здесь, все хорошо, ты только молчи, слушайся доктора, мы сейчас приедем в больницу.

Дина перевела взгляд на окно. Карета «скорой» въехала на Ваганьковский мост. Уже рассвело. Моросил мелкий серый дождь, капли тонкими неровными струйками расплзались по стеклу. Под мостом прогудел проходящий поезд. От сознания того, что она не одна в этом безжалостном, залитом холодным дождем городе, что рядом верная Галка, сжимающая ее холодные пальцы, Дина слабо улыбнулась. Наступал новый день, в который она войдет с высоко поднятой головой. И будет жить. Ради Федьки. Ради Галки. Ради Мити. И ради себя.

Ранение Дины действительно оказалось неглубоким. То ли Сергей был настолько неискушенным убийцей, то ли рука у него в последний момент дрогнула, только все обошлось. Как утверждал Олег, врачи зашили все мастерски. «Косметический шов, — уверял он. — Шрам практически не будет заметен».

Дина быстро поправлялась, однако прийти в себя после полученной психологической травмы никак не могла.

Галка навещала подругу ежедневно, сообщала домашние новости про Федьку со Светланой Алексеевной, разбавляя их историями своих бесчисленных знакомств с мужиками. Вся палата, где лежала Дина, в полном составе дохла от смеха. Галка не боялась выставить себя в смешном виде. Ей гораздо важнее было, чтобы подруга чаще улыбалась.

— А что делать, Дин? — округляла глаза Галка. — Мне уже двадцать шесть, а воз, как говорится и ныне там. Надо искать активнее.

— И как же вы справляетесь, Галочка? — пряча улыбку, интересовалась Динина соседка, Тамара Васильевна.

— Ну как... Известно как. Объявления.

— И что?

— Пока ничего. Не устаю поражаться разнообразию извращенцев. С одним созвонилась, вроде договорились встретиться. По телефону он мне понравился, голос такой приятный, молодой. В объявлении сказано — рост метр восемьдесят, спортивный, высшее образование.

— А на деле?

— Представьте себе, ко мне родители приехали на неделю. Ну я им с порога — так и так, познакомилась с молодым человеком, сегодня в гости придет. Мама обрадовалась, чего только не наготовила, папа даже рубашку белую надел. В положенное время звонок в дверь. Иду открывать...

— А там?

— А там юноша лет пятнадцати, волосы покрашены в ярко-зеленый цвет. «Здравствуйте, — говорит, — вы — Галина?» Я пополам согнулась, слова не могу вымолвить от смеха. Тут в прихожую павой моя мама выплывает. С ней — сердечный приступ, едва она этого инопланетянина увидела. Папа хватает телефон, звонит по привычке 911, словно из Америки не уезжал. Словом, внизу «скорая», соседей полный коридор, все в восторге, одна я в пролете!

Палату огласил дружный хохот, даже Дина, у которой по-прежнему побаливало горло, улыбнулась.

— Еще расскажи.

— Был у меня другой претендент. В возрасте, со средствами, доктор наук. Звонит мне, договариваемся встретиться. Этого я уже не стала с бухты-барухты приглашать домой, памятуя неприятную историю с зеленым. Я рассчитывала по меньшей мере на ресторан, раз он старый и богатый. Однако дело ограничилось забегаловкой, какой-то пиццерией. Пришли мы. Оказался мерзкий прилипчивый старикашка, угощал меня холодными пирожками. Но это не самое страшное.

— Что же было потом?

— Потом он, видно, решил, что я уже разогрелась, завел эротические разговоры. «Я, — говорит, — люблю, чтобы ко мне относились как к младенцу!»

— Как это?

— Вот и я спрашиваю, как это. «Мне, — говорит, — для возбуждения и удовлетворения хочется, чтобы меня поили из бутылочки и надевали памперс!»

Дина от смеха хваталась за горло, остальные женщины — за животы. Галка, милая добрая клоунесса, могла бы собирать полные стадионы, если бы только захотела. Но она была верна себе. «Училка, училка и училка, как завещал великий Ленин, — повторяла Галка. — Самая благородная профессия».

И тем не менее в последнее время, лежа в больнице, Дина заметила, что Галка стала меняться. В ней внезапно проступила искренняя материнская нежность и женственность, какой раньше Дина не замечала.

— Галь, а ты, часом, не влюбилась? — спросила ее Дина спустя неделю после того, как Галка привезла ее в Боткинскую.

— А что, так заметно?

Дина взглянула на подругу и улыбнулась. Галка прямо светилась изнутри.

— Ну, кто он?

— Врач, который тебя забирал. Зовут Олег. Уже три раза встречались. Он замечательный. Все время про больных рассказывает. Я чувствую, скоро живот надорву от смеха.

— Вы друг другу подходите.

— О, да. Главное, не с зелеными волосами и без памперса!

Шел восьмой день больничного заточения Дины. Около изголовья каждой из шести коек в палате сидели родственники, вполголоса переговариваясь с Диниными соседками. Галка давно уехала: у нее в этот день был литературный кружок. Мама безвылазно сидела с Федькой и только звонила дочери по мобильному. Так что Дина посетителей не ждала. Она очень серьезно попросила Галку хранить молчание и никому из общих знакомых не сообщать, что произошло между ней и Сергеем.

Высокая белая дверь медленно отворилась, и в палату стал осторожно протискиваться худощавый темноволосый молодой человек. Словно фокусник, он вытащил из-за спины огромный букет ярко-красных роз, после чего изящным жестом бросил цветы на кровать Дины.

— Леди в красном, — произнес Митя. — Здравствуй, Дина.

В палате на некоторое время воцарилась тишина. Все украдкой поглядели на Дину с Митей, затем снова возобновили разговоры вполголоса.

— Очень больно?

Митя склонился над ее кроватью. Дина поняла, что если он сейчас ее поцелует, она поднимется даже со смертного одра.

Дина не знала, сколько времени Митя просидел на краешке кровати. В какой-то момент они остались в палате одни: пять соседок Дины были ходячими и вышли провожать родственников до лестницы. Митя начал покрывать поцелуями ее тонкие пальцы, потом дотянулся до ее бледных губ, осторожно обхватил ладонями исхудавшее лицо... Дина хотела только одного: чтобы этот миг длился вечно.

Когда в палате наконец одна за другой с виноватым видом стали появляться соседки,

Митя тактично пересел на стул.

— Что думаешь делать, когда отсюда выйдешь?

— Не знаю. Кто тебе сообщил, что я в больнице?

— Твоя мама. Она сначала упорно молчала, да я ее разговорил. Телефон ваш на «Белорусской» я до сих пор наизусть помню.

— Надо же...

— Дина, я понимаю, что частично виноват в том, что произошло.

— Не переоценивай себя, — улыбнулась Дина. — Ты тут ни при чем. Сергею не надо было пить.

— Ты вернешься к нему? — Голос Мити стал чуть холоднее.

— Нет.

— Судиться будешь?

— Я не хочу. Пусть убирается подобру-поздорову и оставит нас с Федькой в покое.

— Тебе работа нужна, Дина.

— Нужна.

— Я пришел предложить ее тебе.

Ах, вот оно что... Он пришел предложить ей работу. И только. Похоже, все разговоры о не сложившейся жизни с Веркой — пустая болтовня. Дина помолчала, собираясь с духом. Ей захотелось выставить Митю вместе с его розами вон. Однако в том сложном положении, в каком она оказалась, разбрасываться предложениями работодателей было неразумно.

— Что за работа?

— Место юриста. Оформление сделок купли-продажи новостроек, договора, юридическое сопровождение. Наш офис находится на «Белорусской». Я полагаю, сейчас, после больницы, вы с сыном переедете к маме? По крайней мере пока муж не разменяет квартиру. Кстати, я и тут могу помочь. Сделаем быстро, оформим документы о собственности. Я лично проконтролирую. Согласна?

Дина помолчала. Прошло еще слишком мало времени, чтобы она успела решить, как ей теперь действовать и как вести себя с Сергеем. Из Галки ей ничего вытрясти не удалось, зато мама злорадно сообщила, что ее разлюбезный зять сидит в СИЗО с уголовниками и находится под следствием и что у нее на днях обещали взять свидетельские показания.

— Так ему и надо, — причитала в трубку Светлана Алексеевна. — Пусть посидит годиков пять-десять. Это ему на пользу пойдет.

Однако Дина понимала, что подавать на мужа в суд ей совершенно не хочется. Во-первых, она сама слишком затянула дело о разводе. Этот вопрос требовал решения еще год назад, а она раскисла, пожалела Федьку и позволила Сергею вести себя по-хамски. Во-вторых, Дина слишком хорошо знала мужа и понимала, что судебный процесс и заключение лишь озлобят его и подвигнут к мести. В-третьих, Дине вовсе не улыбалось растить сына в сознании того, что его отец сидит в тюрьме. Наконец, она по-своему была привязана к Сергею и вовсе не считала его закоренелым преступником, которому следует провести остаток жизни в местах не столь отдаленных. Он всего лишь несчастный, запутавшийся мужик, которого свела с ума несчастная любовь. А стало быть, случившееся частично лежало и на ее совести.

— Мить, мне надо все обдумать. Насчет работы я согласна. Спасибо за предложение. Приступлю, как только поправлюсь. А насчет квартиры я тебе потом сообщу. Номер мне еще раз запиши, пожалуйста. Когда удобнее позвонить?

— В любое время. Выздоровливай.

Митя снова наклонился к Дининому лицу. Жесткая щетина на подбородке — она быстро отрастала, даже если он с утра брился, — проехала знакомым наждаком по ее щеке, и Митины губы коснулись ее губ. Дина закрыла глаза. Она даже не заметила, как Митя поднялся на ноги и вышел из палаты. Только аромат роз, смешанный со слабым запахом «Амфоры», — Митя всегда носил распечатанную пачку в нагрудном кармане — напоминал о его недавнем присутствии.

Дина не любила вспоминать об этой мрачной странице своей биографии. После выхода из больницы она изменила в жизни все, что сумела, — место жительства, работу, образ мыслей, круг знакомых, даже стиль одежды.

Мечту юности, чудную песцовую шубку пришлось отдать дальним малоимущим родственникам. Дина без содрогания не могла даже подумать о том, чтобы еще раз ее надеть. К тому же ни одна химчистка не смогла бы вывести бурые пятна, въевшиеся в пушистый белый мех.

Дина вышла на работу сразу на полный день. Поначалу она с непривычки сильно уставала, потом втянулась, даже начала получать от хождения на службу определенное удовольствие. Коллектив в агентстве был приятный, все сплошь молодые самостоятельные женщины. Митя в филиале на «Белорусской» почти не появлялся, постоянно был занят в головном офисе или мотался по командировкам. Дина и сама старалась не попадаться ему на глаза. Минутная слабость там, в больнице, забылась. Реальная жизнь оказалась далекой от романтики. Дине надо было кормить сына и мать, ушедшую на пенсию, чтобы сидеть с Федькой.

Время от времени Дине звонила верная Галка.

— Как дела? — интересовалась она. — Получается на новом месте? Разобралась?

— Нормально, — бодро отвечала Дина. — Хорошо, что работы много, я целый день занята, некогда о грустном думать.

— Ты и не думай, — подхватывала Галка. — Что ж теперь поделывать, раз Серега таким гадом оказался.

Сергей оказался, по мнению Дины, не просто гадом, а каким-то моральным уродом, монстром, отпетым негодяем. Она совершенно не ожидала ничего подобного после семи лет супружества.

Выйдя из больницы, Дина оформила заявление, в котором утверждала, что, будучи в состоянии легкого подпития после дружеской вечеринки, она, входя на кухню, споткнулась о порог, поскользнулась и нечаянно сама налетела на нож, который Сергей держал в руке, собираясь порезать хлеб. Следовательно, разумеется, ни одному слову из написанного в заявлении не поверил, уговаривал Дину сообщить правду, но она стояла на своем. Галка со Светланой Алексеевной, по Дининой просьбе, еще раньше отказались давать какие-либо показания, мотивируя тем, что ничего не видели и не знают. В итоге уголовное дело пришлось переквалифицировать в несчастный случай. За отсутствием состава преступления Сергея освободили.

После своего благородного поступка Дина ожидала от мужа, как минимум, извинений, а как максимум — пожизненного содержания и переуступки прав на квартиру. Однако ничего похожего не произошло. Сергей смотрел на жену волком, денег на Федьку не давал и даже не пытался навестить сына. Когда же Дина по телефону завела разговор о размене, бывший муж грубо расхохотался:

— Квартиру тебе? Не дожدهшься. Квартира моя, мне ее родители на свадьбу подарили. Я отсюда никуда не тронусь. Не хотела жить по-человечески, катись куда глаза глядят.

— Что значит — по-человечески? Квартира у нас троих в совместной собственности. По закону я имею право на две трети площади, поскольку ребенок остался со мной.

— Ты еще получи эти две трети. Только через мой труп.

— Что ж, по-твоему, мы с Федькой на улице должны жить?

— Хочешь — живи на улице. Хочешь — возвращай Федьку сюда, я возражать против сына не буду. А не хочешь — торчите у мамочки.

— Сереж, я ведь и рассердиться могу. В суд подам.

— И что твой хваленый суд? Выселять меня будет? На каком основании?

Дина кусала губы, потому что возразить ей было нечего. Она прекрасно понимала, что муж прав. Ни один судебный исполнитель Сергея никуда принудительно не выселит. Уповать можно было только на его добровольное согласие размениваться.

— Сережа, тебе не кажется, что я по отношению к тебе вела себя достаточно порядочно? Тебе не приходило в голову, что от меня зависело — посадят тебя или нет? И что ради сына я не стала доводить дело до тюрьмы? Так почему ты так себя ведешь? Или мой поступок не заслуживает благодарности?

— Торговка! — презрительно бросил в трубку Сергей. — Тебе бы на базаре мандаринами промышлять! Ты хочешь сказать, что не посадила меня, так как рассчитывала на квартиру, а не просто потому, что я твой муж и ты мне всем в жизни обязана? Это я тебе девять лет делал авансы, ты сейчас просто по ним расплатилась. Так что я тебе ничего не должен. Живи, как знаешь, а я себе другую найду, помоложе, покрасивее и поговорчивее.

Дина не поняла, какие авансы делал ей муж, но спросить уже было не у кого: Сергей повесил трубку. Светлана Алексеевна позже пыталась вести с ним осторожные переговоры об алиментах на Федьку, но это ни к чему не привело.

Один раз Дина, предварительно позвонив и удостоверившись, что Сергея нет дома, заехала в квартиру над Головинскими прудами забрать кое-какие мелочи, без которых на новом месте с маленьким ребенком было трудно. Ее поразило запустение, царившее в ее бывшем доме. В ванной стояла не спущенная мыльная вода, на Дининой зубной щетке засохла паста. Значит, ею пользовался кто-то чужой. Воздух в комнатах был спертый, повсюду лежала толстым серым слоем пыль, на кухне громоздилась батарея пустых бутылок, а в спальне, на полу, валялись использованные презервативы.

Дине стало так мерзко и противно, что она поспешно увязала свои и Федькины пожитки в два небольших узла, забрала папку с документами, пошарила в серванте в поисках денег, но ничего не нашла. Оглядев в последний раз свое разгромленное семейное гнездышко, Дина бросила ключ от квартиры на журнальный столик и, выйдя на лестничную клетку, захлопнула за собой дверь.

Тащить узлы было тяжело, и Дина остановилась на тротуаре перед домом, чтобы поймать машину. Автомобилей на улице было немного, и ловила она довольно долго, пока наконец возле нее не затормозил темно-зеленый джип «мицубиси».

— Садитесь, девушка.

Дина секунду прикидывала в уме, сколько с нее возьмет обладатель шикарной иномарки. Пока она переминалась с ноги на ногу, дверца со стороны водителя распахнулась. Дина не успела рассмотреть того, кто согласился подвезти ее. Человек уверенным шагом обошел автомобиль, открыл багажник, и знакомый голос произнес:

— Клади вещи.

Дина вспыхнула. Перед ней стоял улыбающийся Митя в отлично сидящем костюме и в галстуке. Прямо персонаж ролика, рекламирующего сотовые телефоны, непременный атрибут нового поколения, подтянутого и энергичного, способного на любые подвиги.

Таким его Дина еще никогда не видела. Митя, ее милый, чудесный мальчик, теперь, похоже, вырос в серьезного бизнесмена, но внешне остался таким же удивительно красивым, обаятельным, молодым.

— Ты как здесь оказался? — задала наконец Дина резонный вопрос.

— Почти случайно, — подмигнул ей Митя. — Я с Речного еду. Дом, где я когда-то снимал квартиру, снесли. На его месте возводят новостройку. Мы там будем квартиры продавать. Вот, съездил, на месте все осмотрел.

Он легко подхватил баулы, закинул их в просторный багажник, захлопнул его, обошел машину с Дининой стороны, распахнул перед ней дверцу.

— Осторожно, тут высоко. Ставь ногу на ступеньку.

Дина не сразу смогла залезть в высокий автомобиль. Сильные руки подхватили ее за талию и одним ловким движением усадили на переднее сиденье.

— Ну все, можем ехать. Ты домой?

Дина молча кивнула. Пока Митя обходил машину, она беглым взглядом осмотрела салон. Роскошные кожаные кресла, бортовой компьютер, панель под дерево, мини-бар, крохотный телевизор, система навигации... Да, красиво жить не запретишь.

И тут она заметила еще кое-что. Овальную, в рамочке, Веркину фотографию в самом углу лобового стекла. На ней была не та растолстевшая Верка, которую полтора месяца назад Дина видела в гостях у Галки, а прежняя, утонченная, загадочная, недоступная, чуть наклонившая голову, прячущая улыбку в густом песцовом воротнике, исподлобья одаривающая восхищенного зрителя манящим взглядом бездонных голубых глаз.

Дина отвернулась. Все ее мечты о Мите — лишь детские фантазии. Ничего не выйдет. Предмет ее страсти женат. С ней, Диной, Митя всего лишь любезен, как всякий образцовый молодой бизнесмен новой формации. Всем говорит комплименты, всех подвозит на шикарной иномарке, всех обзванивает, чтобы поздравить с Новым годом, навещает страждущих в больнице, помогает малоимущим обрести себя в труде, предоставляет возможность раскрыть собственные таланты. И все. Ни о какой любви тут не может быть и речи.

— Ты торопишься? — словно сквозь туман услышала она Митин голос. — Может, заедем куда-нибудь, пообедаем вместе?

На сегодня Дина отпросилась с работы. Все договоры она проверила накануне, так что ее отпустили без проблем. Конечно, надо бы закинуть домой вещи, а то мама опять будет брюзжать, что ее интересами пренебрегают. Однако искушение провести с Митей лишних два часа оказалось слишком велико.

— Хорошо, — согласно кивнула Дина. — Я, правда, не при параде...

— Не страшно, — невозмутимо ответил Митя, плавно выруливая на перекресток. — Мне все равно, как ты одета. Для меня ты всегда самая красивая женщина в мире.

На это Дина не нашла, что возразить. Джип затормозил на светофоре, и Митя принялся деловито копаться в фирменной сумке для компакт-дисков.

— Не могу ездить без музыки. Получаю кайф от быстрой езды и любимых мелодий. Вот, смотри-ка, что тут для тебя есть.

Он вытащил диск, одним точным движением направил его в проигрыватель. Пару секунд аппаратура мигала разноцветными огоньками, а потом послышалось знакомое вступление, и из колонок полилась мелодия «Леди в красном».

Дина ахнула.

— Боже мой, Митя, это же наша песня! Ты что, заранее готовился? Как ты мог знать, что встретишь меня?

Митя загадочно усмехнулся:

— Я всегда готов к встрече с тобой, моя дорогая. Девять лет я только и делал, что готовился к ней.

Загорелся зеленый сигнал светофора, и джип плавно поплыл по бульвару.

— Дина, — тихо сказал Митя. — Мне очень хорошо с тобой.

Он снял руку с рычага переключения скоростей и накрыл своей ладонью Динины пальцы, легонько перебиравшие ремешок дамской сумочки.

— Митя, мы сейчас в кого-нибудь врежемся. Невозможно водить машину одной рукой!

— Возможно. Я это сейчас делаю.

Дина взяла его ладонь в свои, поднесла к лицу, потерлась щекой... Джип плавно остановился посреди проезжей части. Митя повернулся к Дине, обнял ее свободной рукой, притянул к себе и приник к ее губам, после чего время для Дины остановилось.

Сначала им сигналили сзади недовольные непредвиденным затором автолюбители, но время было не пиковое, к тому же связываться с владельцами джипов, как известно, занятие неблагодарное...

Дина поняла, что ничего не изменилось за девять лет. Она по-прежнему ходит по Мите с ума. У нее рухнула жизнь, распался брак, сын остался безотцовщиной — и все потому, что все эти годы она смертельно тосковала по поцелуям и объятиям этого человека, которого даже не успела узнать как мужчину.

Впрочем, Дина совершенно отчетливо понимала, что более близкие отношения, скорее всего, разрушили бы ауру Митиногo очарования. Для нее он навсегда остался мифом, идеальным образом, воплощением робкой нежной юности, когда материальное положение и сексуальная искушенность почти не имеют значения. Митя — Динина мечта о любви, которая существует сама по себе, ничего не требуя взамен, которая счастлива одним днем, одним взглядом, вздохом, робким касанием. Дина просто любила его до умопомрачения, и этого ей было вполне достаточно.

Митя привез ее в небольшой уютный ресторанчик. Дина ела мало, больше рассказывала о себе, о том, что происходило в ее жизни за истекшие девять лет. В начале разговора Митя вытащил сотовый телефон, положил его на стол и, как показалось Дине, немного картинно отключил его. Тем не менее ей польстило, что для Мити гораздо важнее ни к чему не обязывающая болтовня с ней, чем звонки деловых партнеров.

— Слушай, я тебя, наверное, задерживаю? — спохватилась она. — У тебя на сегодня какие-то планы были?

— Не обращай внимания. Все вопросы в агентстве вполне можно решить без меня. Я правда, запланировал на сегодня одни важные переговоры, но позже. Я еще успею отвезти тебя домой.

— Мить, расскажи хоть чуть-чуть о себе. Мы же столько лет не виделись.

— Да нечего особенно рассказывать. Работа, работа... Как у тебя-то на новом месте?

Дина снова с готовностью затараторила...

Митя спокойно доел обед, и тут его взгляд как бы невзначай упал на шикарный золотой «Роллекс» у него на запястье. Молодой человек вмиг изменился до неузнаваемости. Исчезла расслабленность во взгляде, лицо стало очень значительным, серьезным и сосредоточенным. Митя разом утратил интерес к разговору, и Дина обиженно осеклась на полуслове.

— Мое время истекло? — шутливо спросила она, стараясь не выдать своего разочарования.

— Просто пора собираться.

Он картинно откинулся на спинку стула, небрежным жестом подозвал официанта, отдал ему кредитную карточку, положил на стол чаевые наличными.

— Поехали.

Утро понедельника началось с неприятностей. Впереди маячили майские праздники, и две трети сотрудников агентства разъезжались — кто по курортам, кто на дачу. Дине ехать было некуда и не на что, поэтому она в числе немногих энтузиастов согласилась присутствовать в офисе всю первую декаду мая.

Клиенты были сильно недовольны тем, что их «обменные процессы», как в шутку называли свою деятельность риэлторы, на время праздников тормозятся. Особенно бурно реагировала на вынужденный застой семейная пара, явившаяся в офис третьего числа с утра пораньше. Дина сидела в юридическом отделе, который помещался в самом конце коридора, но и туда из переговорной доносился возмущенный женский голос.

Дверь в юридический приоткрылась и внутрь просунулась голова Лены Гриценко.

— Дин, — закатывая глаза, начала Лена. — Там у меня сидят Егор Истомина с бывшей женой. Они грозят подать в суд из-за того, что мы не успеваем провести их сделку до десятого. Посмотри, пожалуйста, по договору, можно как-то заткнуть им пасть или придется ползать на коленках и просить прощения?

«Заткнуть пасть» было одним из самых мягких выражений, которыми Гриценко пользовалась, когда речь заходила об ее клиентах. Лена свою работу ненавидела, только и мечтала, как бы исчезнуть из агентства. Удерживали ее только деньги. Всех без исключения клиентов она считала хамами и жлобами, требования и пожелания их воспринимала как личное оскорбление, на переговоры шла, как на Голгофу, однако цепочки расселения коммуналок составляла такие, что коллеги завидовали Лене белой завистью.

Карьера Лены началась с того, что после развода они с дочкой оказались в коммунальной шестикомнатной квартире на Чистых прудах. Там проживало еще девятнадцать соседей, включая ветхих старушек-маразматичек и запойных алкоголиков, именовавших себя коренными москвичами. Лену они на дух не переносили, попрекая малороссийским происхождением и злорадствуя по поводу ее семейной драмы.

Лена старалась на эти комментарии не реагировать. Засучив рукава, она принялась самостоятельно подыскивать варианты обмена. Не прошло и трех месяцев, как в комнатку Леры въехала дружная семья многодетных таджиков, а Гриценко с дочкой перебрались в просторную светлую двушку в Выхино. Коренные москвичи с Чистых прудов, узнав, как страшно Лена отомстила им за пренебрежение, чуть ли не на коленях умоляли ее отменить сделку. Однако будущая риэлторша осталась непреклонна. Со времени развода с мужем-москвичом Лена твердо усвоила одно: со столичными жителями надо бороться беспощадно, решительно и до победного конца. Иное отношение их расхолаживает и побуждает свысока поглядывать на людей с непривилегированной пропиской.

Дина Лене сразу понравилась. Чем-то эти две молодые и уже серьезно обиженные жизнью женщины были очень похожи. Обе матери-одиночки, которым бывшие мужья не помогали, обе амбициозные, целеустремленные. Дина знала, что к Лене всегда можно обратиться, если нужен какой-то нетрадиционный, но житейски мудрый совет. В свою очередь Лена часто прибегала к помощи Дины там, где требовалось проявить дипломатические способности. Вот как сейчас.

— Неужели сам Истомина? Тележурналист? — поразилась Дина. — Ты что, его сделку ведешь?

— Ну да, угораздило меня, руководство заставило. Разъезжается с бывшей супругой. Хуже нет, чем с известными людьми связываться. Деньги у них такие же, как у простых смертных, зато гонору в сто раз больше.

— А кто у него бывшая жена? — поинтересовалась Дина, роясь в папке с договорами на букву «И».

— Какая-то мелкая шавка. Потому и лает так громко. Двадцать минут со мной разговаривала, а уже успела и наорать, и нахамить.

— Странно. Вроде сам Истомин интеллигентный, сдержанный человек. Я его передачи часто смотрю.

— Все они такие на экране. А в жизни — хамы и жлобье.

Дина вытащила из папки договор Егора Истомина и поспешила вслед за Леной по коридору в переговорную.

Кресло у окна занимал худощавый брюнет лет тридцати с небольшим, с открытым приятным лицом — популярный телеведущий и журналист Егор Истомин. Молодая женщина с внешностью фотомодели сидела, демонстративно отвернувшись от него, закинув ногу на ногу и нервно постукивая пальцами по столу.

— Здравствуйте, Егор Михайлович. Я представитель юридического отдела нашего агентства, — вежливо начала Дина, усаживаясь напротив Истомина. — Как я поняла, возникли проблемы, связанные с вашей сделкой. Я могу чем-то помочь?

— Дело в том, что нам необходимо разменять квартиру и оформить сделку до десятого мая, — принялся объяснять Истомин. — В результате халатности ваших сотрудников мы не успеваем этого сделать. А одиннадцатого числа я вылетаю на два месяца для съемки серии передач за рубеж. Нам обещали, что все будет улажено. Теперь же получается...

— Теперь не получается ничего! — взвизгнула бывшая супруга. — Вы мне все лето хотите испортить? Чтобы я отдыхать не поехала по вашей милости? Кто мне ущерб оплатит?

— Одну минуточку, — мягко улыбнулась Дина. — Я смотрю, что, по договору, мы обязаны провести вашу сделку до конца мая, то есть до тридцать первого, а не до десятого. Насколько мне известно — и ваш риэлтор Лена не даст соврать, — ваша квартира сейчас расселяется. Но цепочка получилась, очень длинная, не все люди проявляют, как прежде говорилось, достаточно сознательности, не все вовремя внесли залоги. Произошла задержка. Тем не менее формально агентство ни в чем перед вами не виновато. Вот, читайте сами.

Дина протянула Истомину договор.

— Да, вы, конечно, правы. — Тележурналист в раздражении заерзал на стуле. — Но мы же говорили с Леной... Просили ее... Она обещала постараться...

— Не все в нашем деле получается так, как мы сами того желаем, Егор Михайлович, — примирительно развела руками Дина. — Лена — наш лучший специалист по расселению коммуналки. Да и в Москве, наверное, лучший. У нее колоссальный опыт. Более того, ваша сделка находится под личным контролем руководства. Мы считаем за честь, что вы именно к нам обратились с такой серьезной покупкой...

— Но тогда почему вы не выполнили наше условие?

— Егор Михайлович, до десятого еще целая неделя. Прошу вас, не волнуйтесь. Мы созовем конференцию по нашим московским филиалам, поднимем свежие предложения, постараемся сделать для вас все возможное. Если хотите, подождите здесь или перезвоните нам позже.

Заметив, как неприязненно скривилось за спиной Истомина лицо Лены, Дина поспешно

добавила:

— Знаете что? Давайте я сама буду вам звонить и информировать, как идут дела. В вашей цепочке всего-то и осталась одна семья, которая не приняла окончательного решения. Мы им предложим сегодня пять, десять вариантов, и, если они в городе, они просто не смогут не согласиться.

Лена молча вытаращила глаза. Супруга Егора Михайловича недоверчиво смерила Дину взглядом. Истомин поднялся со стула и положил на стол визитку.

— Жду вашего звонка, — коротко произнес он.

Дина проводила Истоминых до входной двери, а когда вернулась обратно, Лена накинулась на нее чуть ли не с кулаками.

— Дина, ты в своем уме? Зачем тебе эта мышьяная возня? Выгода от их сделки мизерная, я потому и не хочу надрываться. Зачем другие филиалы дергать? Я понимаю, был бы повод...

— Повод есть, Леночка. Не всегда надо работать только за деньги. Егор Истомин — человек со связями. Может, судиться он с нами и не будет — нет формального повода, срок договора не истек, однако навредить сумеет, если захочет. Но вот если мы сейчас напряжемся, нам за это воздастся. Пошли конференцию созывать. Я тебе помогу.

В течение четырех часов Дина с Леной подобрали полдесятка вариантов для семьи, тормозившей цепочку расселения истоминской квартиры. Дина сама позвонила отцу несговорчивого семейства и вкрадчивым голосом, распевая дифирамбы его дальновидности и осмотрительности, убедила вечером того же дня на Лениной машине объехать предложенные квартиры.

Около полуночи усталая, но довольная Лена сообщила, что залог внесен, и сделку Истоминых можно оформлять в любой из оставшихся до десятого мая дней.

— Егор Михайлович? Это из агентства беспокоят, извините за поздний звонок, — пропела Дина в трубку. — Подготовка к вашей сделке сегодня завершена. Вам остается только назначить дату, а я позабочусь, чтобы все участники цепочки были на месте.

Истомин помолчал.

— Я вам очень признателен, Дина, — произнес он. — Вы настоящий профессионал. Мне надо было с самого начала иметь дело с вами.

Истомин объявился накануне своего отъезда на съемки, нашел Дину по мобильному.

— Еще раз благодарю за проявленную оперативность, — сказал он. — Если вы не против, давайте встретимся и отметим мое грядущее новоселье в неформальной обстановке.

— С удовольствием, — ответила Дина.

— У меня очень плотный график, — продолжал Истомин, — но если бы вы выкроили прямо сейчас часок для меня, я бы хотел сделать вам интересное предложение.

Дина, конечно, согласилась и к назначенному сроку приехала в уютный бар.

— Видите ли, Дина, — заявил Истомин, — вы меня очень заинтересовали не только как профессиональный юрист, но и как необыкновенно красивая женщина, которая к тому же обучена манерам и умеет себя вести. Вы меня извините за прямоту, просто в нашей области довольно трудно найти человека, который мог бы совмещать в себе эти качества. Поэтому я называю вещи своими именами.

— Мне нравится, когда со мной откровенны.

— Я за вами очень внимательно наблюдал, когда мы были в агентстве, — как вы держитесь, как говорите, как голову поворачиваете. Не хочется произносить громких фраз относительно того, что в вас погиб талант актрисы. Скорее всего, это не так. Вы отлично справляетесь на своем месте. Однако я хочу предложить вам попробовать несколько расширить сферу деятельности.

— В чем это заключается, Егор Михайлович?

— Просто Егор. На телевидении, на нашем канале я руковожу серией проектов. Сейчас летом, мы затеваем новую передачу, посвященную обустройству домашнего очага. Все, от выбора и покупки квартиры до дизайна интерьера и подбора мебели. Мне необходимы специалисты хорошего уровня. Наша задача — ликвидация безграмотности граждан, которые намерены заняться обустройством своей недвижимости. Вас я хотел бы видеть в роли ведущей рубрики «Юридическое сопровождение».

— Я так польщена... Правда, я недавно работаю в агентстве...

— Вы уже успели себя показать. Чего не знаете, тому научитесь. Главное — профессионализм, отличные внешние данные, фотогеничность, амбициозность, умение работать над собой. Уверен, у вас получится. Деньги там не бог весть какие, съемка всего пару дней в неделю, но коллектив у нас замечательный и работа интересная.

— Огромное спасибо. Я постараюсь. А как будет называться передача?

— Рабочее название — «Ареал обитания». Вы знаете, у нас на канале принята некоторая экстравагантность. В том случае, если вы согласны, надо подъехать на пробы сегодня же. Я могу вас подвезти. Да, и по возможности, если пройдете кастинг, в чем я практически уверен, на следующей неделе надо уже приступить к делу.

После чашки кофе Истомин отвез Дину к себе в офис. Несмотря на поздний час, рабочий день был в разгаре. Редактор передачи протянула Дине текст, который требовалось прочитать перед камерой.

— Главное — будьте естественны, — посоветовал Егор. — Представьте, что вы ведете непринужденную беседу с кем-то из близких или хорошо знакомых вам людей. Не волнуйтесь. Сейчас выставим свет и начнем.

Ладони у Дины похолодели от волнения. Она сидела за низким журнальным столиком и

пыталась прочесть текст про себя. Буквы прыгали перед глазами, и Дина никак не могла понять смысла написанного. «Зря я сюда приехала, — мелькнуло в голове. — Какая из меня телезвезда?»

К ней подошла молоденькая гримерша, несколько раз провела мягкой пуховкой по ее лбу.

— Какую красавицу нам Егор привел! — улыбнулась девушка. — Давай. Покажи себя. Мы за тебя болеем.

— Дина, готовы? — послышался голос Егора. — Камера, мотор!

И в этот момент Дина внезапно успокоилась. Напряжение ушло, руки перестали дрожать, легкая улыбка заиграла на лице. Дина изящно облокотилась о спинку кресла и начала читать текст, то опуская глаза на листок, то поднимая взгляд в камеру.

— Стоп, снято!

Софиты погасли. Дина продолжала сидеть неподвижно. Несколько человек столпились вокруг Истомина и принялись что-то вполголоса обсуждать, просматривая запись. Спустя десять минут широко улыбающийся Егор подошел к Дине.

— Ну, что ж, как я и ожидал. Просто замечательно. Думаю, мы не будем больше никого пробовать. Дина, вы приняты. Поздравляю.

— Поздравляем! — радостно захлопала в ладоши молоденькая гримерша. — Егор, вас к телефону.

Истомин взял у нее из рук трубку и принялся что-то вежливо объяснять невидимому собеседнику. Дина стояла как вкопанная, не смея поверить в произошедшее. Она попала на телевидение! Она сумела победить свой страх! Неужели жизнь наконец повернулась к ней своей светлой стороной?

— А что мне теперь делать? — робко спросила она Егора.

Тот на миг прикрыл трубку рукой.

— Подождите. Сейчас креативная группа соберется в студии. Съёмки первых передач пройдут на борту круизного судна в течение первой недели июня. Составим план действий. Наша тема — приобретение недвижимости за границей — в Испании и на Кипре. Успеете оформить на работе отпуск?

— Я...

— Решайтесь, Дина, — сказал Егор. — Сразу и с коллегами познакомитесь, и специфику нашей работы поймете, и первые съемки проведете. Наш канал арендует теплоход, так что для своих — все по себестоимости.

В этот вечер Дина летела домой как на крыльях. Разговор с Егором вселил в нее надежду на то, что как бы нелепо ни складывалось все в прошлом, она сумеет самостоятельно выкарабкаться из той ямы, в которую ее затащила детская влюбленность. Телевидение! Подумать только! Могла ли скромная домохозяйка мечтать о том, что ее увидит вся страна! А круиз на теплоходе в составе команды Егора Истомина? Да в сравнении с этим меркнет даже перспектива работать с Митей!

Сообщив маме сногшибательную новость, Дина не удержалась и набрала Галкин номер. Хотелось похвастаться.

— Динка, видишь, как важно быть красивой, — вздохнула Галка. — Ты женщина уникальная, даже люди с телевидения обращают внимание. Вокруг тебя должен рой мужиков виться, наперебой предлагать яхты, бриллианты и отдых на островах. И не просто мужиков — кинозвезд, олигархов, шейхов и светил науки. Всякие там Брюсы Уиллисы и

Биллы Гейтсы. Вот проходил бы сейчас конкурс красоты, тебя бы все, не колеблясь, признали победительницей...

Галка поняла, что немного завралась, и свою пышную речь закончила сообщением, что торопится на свидание с Олегом. Судя по всему, у них и без конкурсов красоты все шло к скорой свадьбе. У Галки давно отпала необходимость в знакомствах с юношами, красящими волосы в зеленый цвет, и старичками, которые возбуждаются при виде памперса.

Ночью взволнованная Дина долго не могла уснуть, а когда перед самым рассветом наконец отключилась, ей приснился сон, будто она плывет на гигантском, с «Титаник», многопалубном океанском лайнере, где проходит конкурс красоты «Мисс Телевидение». Вокруг матросы с зелеными волосами разносят пассажирам — пожилым олигархам и светилам науки — памперсы и детские бутылочки с сосками. Среди них мелькает Егор в костюме испанского гранда. Председательствует в жюри Светлана Алексеевна, из чего Дина сразу делает вывод, что выиграть корону королевы красоты ей точно не светит. Неожиданно появляется Сергей, который корчит из себя кинозвезду, но Билл Гейтс ударяет его монитором по голове и выбрасывает за борт. Дина с Галкой и Веркой в купальниках ходят по подиуму. Неожиданно Дина замечает, что подиум — никакой не подиум, а длинная доска, далеко выдающаяся в море. Если зрителям и жюри конкурсантка не нравится, они разбегаются и прыгают на противоположный конец доски, словно воздушные гимнасты. Несчастливая отвергнутая девушка стремительно взмывает в небо, а оттуда падает в пучину вод под оглушительные аплодисменты собравшихся. Скоро Дина замечает, что осталась одна. Егор выбегает вперед и провозглашает ее победительницей. «Королева! Королева!» — кричат олигархи, и тогда вперед протискивается Брюс Уиллис и венчает голову Дины огромным лавровым венком. Тут корабль причаливает к острову, на котором, как доверительно сообщает Дине мама, живут одни мужики, причем все они дикари и негодяи. Приглядевшись, новоиспеченная королева замечает, что на берегу действительно пляшут какие-то полуголые разрисованные люди, они же складывают из подручного валежника костер, над которым вешают огромный котел. Появляется Митя, их предводитель, с факелом, объявляет, что королеву с лавровым венком на голове сейчас бросят в суп. Дина кричит от ужаса, но Митя уже поджигает дрова, а дикари со всех ног бегут к несчастной женщине. В последний миг она успевает обернуться к своему любимому и замечает, что Митю под руку держит какая-то безобразная негритянка. На шее у нее, словно бусы, красуются связки золотых «Роллексов», которые качаются и звенят на ветру, звенят все громче, так что у Дины закладывает уши, звенят даже тогда, когда она просыпается, кубарем скатывается с кровати и догадывается, что на тумбочке заливается мобильник.

— Алло! — хриплым со сна голосом крикнула Дина, схватив трубку.

— Привет.

Она узнала бы его голос из тысячи. Все та же мягкая вкрадчивая интонация, все та же манера чуть запинаться на букве «п», почти не заметная, никакого заикания, просто Дина помнит эту Митину особенность...

— Привет.

— Слушай, мне тут сказали, ты с работы собираешься уходить?

— Нет, с чего ты взял?

— Ну... разве Истомин не позвал тебя на телевидение?

— Откуда ты знаешь?

— Разведка донесла. Неважно. Дин, ты чем-то недовольна? Так ты мне скажи. Зарплата

не устраивает? Можем пересмотреть, обсудить...

Дина уловила в его тоне панические нотки. Неужели Митя боится ее потерять? Хотя с какой стати? Они и так за все время работы Дины в его фирме практически не встречались. Или ему приятно сознавать, что в каком-то смысле он ее содержит?

— Митя, я буду работать по совместительству. Два дня в неделю. Моя деятельность в агентстве не пострадает. Я хотела попросить о единственном одолжении. Мне нужен отпуск за свой счет на первую неделю июня. Я понимаю, по закону я пока не могу требовать его, но, может быть, по старой дружбе ты пойдешь мне навстречу? Я же работала во время майских праздников, хотя не обязана была...

Митя помолчал, словно собираясь с мыслями.

— Ты куда-то уезжаешь? — спросил он, и что-то в его тоне насторожило Дину.

— Пока точно не знаю. Но хотела бы, может, с Федькой... — попыталась было выкрутиться она.

— Ты едешь с Истоминым?

Вопрос Мити застал Дину врасплох. Задан он был с интонацией, к сожалению, слишком хорошо знакомой молодой женщине. Так ведет себя ревнивый муж, который хочет, чтобы супруга безвылазно находилась при нем, и в каждом существе мужского пола видит скрытую угрозу. Сергей всегда задавал Дине вопросы именно таким тоном.

— Вижу, разведка у тебя поставлена хорошо, — попыталась обратить сказанное в шутку Дина. — Я прошла кастинг и буду принимать участие в серии передач, посвященных недвижимости за рубежом. Съёмки пройдут на борту круизного теплохода. Маршрут мне пока неизвестен. Если тебя интересует конкретно Егор Истомин, то он является руководителем группы...

— Дина, об этом отпуске не может быть и речи. — В голосе Мити зазвенел металл. — Начинается лето, горячий сезон. Все специалисты нужны постоянно. Я агентов-то не отпускаю на юг, а уж юриста... Кто тебя будет замещать? Это нереально. Ты никуда не поедешь.

— Это официальный ответ или я могу обратиться с официальным заявлением в дирекцию?

— Даже не пробуй. Ответ будет отрицательный.

— Спасибо, Митя.

— Не обижайся. Давай встретимся вечером, поужинаем вместе.

— Я занята. У меня другие планы.

Дина сама ошалела от своей смелости. Чтобы она хоть раз в жизни посмела отклонить Митино предложение пойти куда-нибудь вместе? Неслыханно! В первый момент Дина перепугалась не на шутку — в конце концов, она разговаривала не просто с бывшим ухажером, а с заместителем директора крупной фирмы, в которой она работала. Однако уже в следующую минуту Дина взяла себя в руки. Хватит унижаться перед этим человеком. Что он о себе возомнил? Почему она не может работать там, где хочет, и обязана подчиняться его капризам?

Дело не в том, что она незаменимый профессионал. Дело в том, что Мите очень удобно держать ее на коротком поводке и по мере необходимости подзывать поближе, чтобы хорошо провести время. словно собачку. То в ресторане посидеть, то на джипе покататься. Ну уж нет, больше этот номер у него не пройдет.

— Дина, я очень прошу. Я хочу тебя видеть.

— Зачем?

Митя опешил.

— Как «зачем»? Просто повидаться.

— Не вижу смысла. Извини, мне пора собираться.

— Я сейчас подъеду к твоему дому. Не уходи без меня, — жалобно попросил Митя и повесил трубку.

Дина в сердцах сплюнула на пол. Вот она, любимая тема глянцевого женского журнала: стань стервой, и любой мужик будет валяться у тебя в ногах. Что ж, подумала Дина, может, она была в чем-то не права по отношению к своим мужчинам. Может, даже в какие-то моменты она была стервой, но Дина твердо знала одно: она никогда не хотела ею быть.

Дина натягивала пиджак и злилась на Митю. Как он, такой необыкновенный, загадочный, умный — и вдруг начинает устраивать примитивные сцены ревности, выплясывать перед ней, словно марионетка? До чего ей надоел этот бесконечный театр кукол! Неужели в этом мире обязательно быть марионеткой или кукловодом? Почему нельзя быть просто человеком? А Митя? Он кто? Может ли он быть человеком? Если нет — то какой тогда Дине в нем интерес?

Дина замерла на месте. Стоп. Вот оно, нужное слово. Какой ей в нем интерес? К чему она стремится? Чего хочет от Мити? Денег? Нет. Постели? Тоже нет. Что она пытается повторить? Какую ошибку своей юности? Не пора ли перестать играть в прятки с самой собой? Существовать в образе маленькой девочки, которая плачет в снежном сугробе! Зачем Дине эти отношения, если они бесперспективны? Не зря говорится: нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Неужели все это время она мечтала сойтись с Митей лишь для того, чтобы отомстить разлучнице Верке за свои детские обиды?

Дина посмотрела на себя в зеркало и пожалала плечами. Какая чушь лезет в голову, если ночью не выспишься. Все давно прошло. Они с Митей и Веркой взрослые люди. Каждый имеет свой непростой жизненный опыт, каждый пережил собственную трагедию, каждый с ней, как сумел, справился. И сейчас на самом деле вопрос стоит только об одном: как ей, Дине, строить свою дальнейшую жизнь.

Дина резко выдохнула и сразу поняла, что надо делать. Она расстегнула кошелек, вытащила визитку Егора Истомина и набрала его номер.

— Егор, к кому мне обратиться по поводу поездки?

— Решили ехать?

— Да. Хочу подвезти деньги и загранпаспорт.

— Я сегодня последний день на работе. Сейчас уже выезжаю. Можем встретиться по дороге, я подброшу вас.

— Назначайте время и место. Я готова выйти прямо сейчас.

Глава двенадцатая

Повесив трубку, она не без удовольствия представила себе, как Митя будет без толку сидеть в своем джипе у нее под окнами. А Дина тем временем отдаст деньги и загранпаспорт Егору. Пускай тогда Митя побегает за ней по сугробам. А выгонит с работы — не страшно. Любая газета пестрит объявлениями «требуется юрист», так что Дина без дела не останется.

С этими мыслями она поцеловала Федьку, крикнула маме «Пока!», выскочила из квартиры и нажала кнопку лифта.

Ждать пришлось долго. Лифт, как нарочно, страшно медленно тащился с первого этажа вверх, натужно скрипел, словно вез стадо слонов. «Не хватало еще, чтобы он сейчас застрял!» — подумала Дина и нетерпеливо заглянула через сетку в шахту.

Двери лифта разъехались в стороны, и Дина застыла с открытым от изумления ртом. Митя в парадном темно-сером костюме, в белой рубашке с бабочкой выплыл из лифта с огромным букетом красных роз. Ни дать ни взять жених.

— Хорошо, что я успел.

Дина нервно сглотнула, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. Она лихорадочно соображала, сколько времени осталось до назначенного Егором срока. Не хватало еще опоздать.

— Пригласи меня в дом.

— Нет. Там мама с Федькой.

— Тогда держи цветы.

Дина не тронулась с места. Войти в лифт было невозможно — Митя загородил своим букетом все подступы к дверям. Тогда Дина повернулась и быстрым шагом двинулась вниз по лестнице.

— Дина, я люблю тебя.

Не оборачиваясь, она небрежно отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

— Я спешу.

— Подожди. Дина, едем ко мне. Сейчас, немедленно.

Не замедляя шага, Дина бросила через плечо:

— А что, Вера не будет возражать?

Повисла секундная пауза.

— Вера от меня ушла, — глухо сообщил Митя. — Я сломал ей жизнь. Такая, видно, моя дурацкая судьба. У Веры теперь новый муж. И дочку мою она к себе забрала.

— И ты отдал? — в изумлении застыла на ступеньке Дина.

— А почему нет? Что я могу дать дочери? Я все время на работе, решаю важные вопросы...

— Вопросы, которые важнее собственного ребенка?

Митя вспыхнул, но тут же взял себя в руки.

— Дина, я столько горя причинил Верке, столько баб сменил... И все по одной причине. Просто я искал женщину, которая могла бы заменить мне тебя. Но не нашел.

— А как же Верка?

— Даже сам не знаю, зачем я за нее ухватился, зачем ей голову задурил.

— Ну, Верке, положим, голову задушить непросто.

— Это точно. Мне кажется, она меня по-своему любила.

— А ты?

Дина повернулась и снова пошла вниз. Митя положил букет на пол, догнал Дину, изящным жестом выхватил из нагрудного кармана носовой платок, аккуратно расстелил его на грязной площадке и опустился на одно колено. Дина с интересом следила за его движениями, словно за манипуляциями фокусника.

— Всю жизнь я любил только тебя, Дина. И теперь, когда я свободен, прошу тебя стать моей женой.

Дина звонко расхохоталась. Романтический идол ее юности, одетый в дорогой костюм, с огромным букетом роз и шикарным «Роллексом» на запястье, делающий ей предложение в грязном обшарпанном подъезде, — ничего комичнее представить себе невозможно. Цокая каблучками, Дина легко сбежала по лестнице на первый этаж, представляя, как будет пересказывать перипетии сегодняшнего сумасшедшего дня Галке. Пусть та облечет Митины излияния в художественную форму. Авось пригодится для эстрадной миниатюры в исполнении пары клоунов.

Глава тринадцатая

Недельный круиз удался на славу. У Дины не было ни минуты свободного времени. Знакомства с новыми людьми, подготовка материалов для передачи, съемки на лоне пышной средиземноморской природы захватили ее. Егор оказался очень требовательным руководителем и вместе с тем удивительно обаятельным и деликатным человеком. Он не отпускал подчиненных, пока не добивался нужного результата, никогда и никому не демонстрировал своего превосходства, звездной болезнью не страдал и не терпел ее проявлений в других людях. Идеи били из Егора ключом, он всех окружающих заражал своей бешеной энергией. Команда, включая Дину, его просто боготворила.

За эту неделю Дина почувствовала себя совершенно счастливой и внутренне обновленной, словно излечилась от тяжелого душевного недуга. Ей было безумно жалко долгих лет, впустую потраченных на страдания по ушедшему Мите. Мир оказался шире и интереснее, чем она полагала.

В последний вечер на теплоходе Егор вышел на палубу и заметил Дину, которая стояла, изящно облокотившись о поручень, и медленно вытаскивала из пачки сигарету.

— А вот это вы, пожалуйста, бросьте, — мягко попросил Егор, кладя ладонь на плечо Дине. — Вы мне нужны здоровая и сильная. У нас впереди много работы. А капля никотина... Дальше вы знаете.

Дина улыбнулась, согласно кивнула, размахнулась и выбросила пачку в урну.

— Вот так-то лучше, — успокоился Егор. — Завтра мы прибываем в Ларнаку, и оттуда основная часть группы летит в Москву. Послезавтра в восемь утра у вас запись. Не забудете?

— Не забуду, — рассмеялась она.

— И вот еще что, Дина... Нам нужен сценарист в команду. Образованный, энергичный, с чувством юмора. Мой заместитель в Москве сейчас отсматривает разных кандидатов, но пока безрезультатно. Скажу по секрету, измучили они его страшно. У вас, случайно, нет на примете подходящего человека?

— Есть! — выпалила Дина.

Галкино лицо, как живое, предстало у нее перед глазами. Чудная, талантливая Галка, вот если бы Дине удалось помочь найти выход ее безудержной творческой энергии...

— Тогда я поручаю вам решить этот вопрос, — сказал Егор. — Буду звонить и писать по электронной почте или, как выражается молодежь, на «мыло». Если возникнут проблемы, держите меня в курсе.

Когда самолет приземлился в Домодедово, у Дины зазвонил мобильный.

— Привет. Это Соломатина, — послышалось в трубке. — Я на стоянке, перед зданием аэропорта. Получишь багаж, выходи налево, к платформе аэроэкспресса. Отвезу тебя в город. Надо поговорить.

Дина так удивилась, что даже не спросила, откуда Верка узнала о ее поездке, а тем более о том, что она должна прилететь именно этим рейсом. Не иначе, Снежная королева разговорилась Светлану Алексеевну. Та, узнав о Веркином героизме и самопожертвовании в отношении Митиной дочки, Соломатину заужавала по-настоящему. Да и кто не заужавал бы?

Дина поспешно подхватила свой чемодан и покатила его к выходу. У тротуара

действительно стояла Веркина «тойота». Дверь машины гостеприимно распахнулась, и Дина нырнула на переднее сиденье.

Верка сильно изменилась с момента их последней встречи у Галки. Глаза глядели веселее, неприятная одутловатость сошла с лица, в движениях появилось что-то кошачье, что-то от прежней Верки, особы голубых кровей, интриганки и куртизанки.

— Как дела?

— Нормально, — осторожно ответила Дина.

— А я решила тебя встретить. Все-таки путь неблизкий, куда ты одна с вещами. Друзья должны помогать друг другу.

Интересно, мелькнуло в голове у Дины, с каких это пор Соломатина гуляет с ней под одним зонтиком? Впрочем, теперь двум женщинам нечего было делить.

— Как съездила, Дина? Скоро увидим тебя по телевизору? Хочу сказать, что восхищаюсь тобой.

— Съездила замечательно. Куча новых проектов, планов. Жизнь бьет ключом. А ты как?

— Ты знаешь, хорошо. Люблю и любима. Встретила человека моложе себя. Хочу начать жить заново. По-другому. С ним мне спокойно и радостно. И к дочке он относится прекрасно.

— Да, Вер, я слышала... Ведь это Митина дочка? Я потрясена. Ты удивительная женщина. Митька сам не знает, кого потерял.

— Потерять может тот, у кого что-то есть. А Митя... Впрочем, это долгий разговор. Жалко потраченных лет. Все как-то впустую... Я перед тобой виновата, Дина. Прости, если сможешь. Я за него по любви выходила. Думала, сложится у нас. Он так красиво говорил... Но слова — это только слова.

— Ну и слава Богу, что все кончилось. Я за тебя рада.

— Правда?

В голосе Верки было столько искренности, столько надежды, что Дина не выдержала. Сама не понимая, как такое может произойти, она крепко обняла Верку, эту стерву, разлучницу, мразь, эту внезапно оттаявшую Снежную королеву, и прижалась щекой к ее щеке.

Глава четырнадцатая

Утром, ровно в восемь, Дина сидела в московской студии Егора Истомина. Загорелая, посвежевшая, увлеченная новыми планами, она буквально светилась от счастья.

Пока Дина пробегала глазами листочки со своим текстом, зазвонил мобильный и на определителе высветился Митин номер. С некоторым удивлением Дина обнаружила, что это не вызвало у нее никаких эмоций. Ей попросту было все равно, что он сейчас скажет.

— Ставлю тебя в известность, что ты уволена, — сухо заявил Митя, даже не поздоровавшись. — Можешь подъехать, забрать документы из агентства.

— Хорошо, — спокойно отозвалась Дина. — Как только освобожусь, обязательно заберу.

Повисла пауза. Митя явно ожидал более эмоциональной реакции.

— Ты понимаешь, что я могу устроить тебе крупные неприятности?

— Понимаю. Это твое право. Только меня твои угрозы не трогают.

— Считаешь, что сильного покровителя нашла? — повысил голос Митя. — Думаешь, Истомин за тебя заступится? Держи карман шире!

— Митя, мне не нужны покровители. Пойми это и не звони мне больше. А сейчас извини, мне некогда.

Дина нажала «отбой» и откинулась на спинку стула. Чувства переполняли ее. Какая-то непонятная радость, ощущение долгожданной свободы, понимание того, что нет на свете ничего невозможного, буквально захлестнули ее. Она достала из сумочки пудреницу и посмотрелась в зеркальце. На нее глядело новое, доселе незнакомое ей лицо. Подмигнув этой счастливой незнакомке и улыбнувшись уголками рта, Дина закрыла пудреницу.

Повинуясь не до конца ей понятному порыву, она под села к компьютеру и стала просматривать электронную почту. Неясное предчувствие ее не обмануло. В папке «Входящие» оказалось послание от Егора Истомина.

«Здравствуйте, Дина,

во время нашего совместного путешествия я с удивлением убедился, что судьба посылает мне в Вашем лице замечательного человека. Дни, проведенные в Вашем обществе, я считаю очень счастливыми. Высоко ставя Вас, как профессионала, я вижу в Вас талантливого организатора, внимательного сотрудника — словом, человека моей команды. Я по-настоящему рад, что могу разговаривать с Вами на равных.

Ближайшие несколько недель мы не увидимся. Мне будет не хватать Вас. По возвращении в Москву я очень хотел бы встретиться с Вами, но не только в рабочей обстановке. Мне кажется, нам есть, что сказать друг другу.

Искренне Ваш — Егор Истомин».

— Дина, идите смотреть! — позвала девушка-гримерша. — Егора показывают!

Дина поспешно повернулась к огромному, висевшему под потолком монитору. На экране появился Истомин. Дина внимательно смотрела репортаж, отмечая про себя, что этот человек нравится ей все больше и больше.

«Наверное, именно таким должен быть настоящий мужчина, — подумала Дина. — Сильным, уверенным, энергичным, терпимым. В его присутствии окружающим тепло и

радостно. Кстати, — вспомнила она, — я еще не выполнила его поручения».

Дина взяла мобильник и набрала Галкин номер.

— Привет! Как дела?

— Как всегда — отлично! — бодро отозвалась подруга. — Ты уже вернулась?

— Да, Галочка. Я сейчас не могу долго разговаривать. Хотела только сказать, что мы ищем сценариста. Креативного, с широким кругозором, который бы писал легко и с юмором. Егор попросил меня подыскать человека, и я сразу вспомнила о тебе. Хочешь попробовать себя на телевидении?

Галка взвизгнула от восторга:

— Я? На телевидении? Вместе с тобой? Динка, ну конечно, хочу! У меня как раз летние каникулы, я с радостью попробую!

— Тогда созвонимся вечером. Надо будет подъехать, переговорить с режиссером. Захвати свои стишки, песенки, пародии, которые ты для детей писала.

Дина тепло попрощалась с подругой, однако убирать телефон не стала. Она знала, что должна сделать еще один звонок. Не откладывая. У нее оставался долг, который следовало оплатить.

В трубке зазвучали гудки.

— Алло! — послышался наконец чуть хриловатый голос.

— Здравствуй, Сережа, — спокойно произнесла Дина в трубку.

— А, это ты? Объявилась! Что надо? Деньги кончились? — услышала она раздраженный голос бывшего мужа.

— Вовсе нет. Я хочу сказать тебе кое-что важное. Если, конечно, ты согласен слушать.

— С Федькой что-то?

За показной грубостью Сергея проглянуло неподдельное беспокойство. Прошло три месяца с того дня, как он последний раз видел сына. На секунду Дина представила себя на месте Сергея, и внезапно ей стало безумно жаль его.

— Сережа, я хочу попросить у тебя прощения.

На другом конце провода повисла пауза. Сергей ожидал от бывшей жены чего угодно, только не покаяния.

— Я очень виновата перед тобой, — продолжала Дина. — Но я хочу, чтобы ты знал: я вовсе не хотела сделать тебя несчастным. Просто так вышло. Жаль, что теперь уже ничего нельзя исправить. Одним словом, прости меня.

Снова наступило молчание.

— Интересно... С чего это вдруг?

— Все в жизни меняется.

— Динка... — Голос Сергея дрогнул. — Даже не знаю, что сказать...

— И еще... — добавила Дина. — Ты можешь увидеть Федьку, когда захочешь. Денег не надо, ничего не надо. Ты его отец, и мальчик тебя очень любит. Я не стану препятствовать тому, чтобы вы общались.

— Как же — не надо?.. — забормотал Сергей. — Федьке, сыну...

— Ну, как соберешься, звони. Мне пора.

— Дина, подожди... Не вешай трубку... Может, мы с тобой...

— Извини, Сережа. Я сейчас занята. Надо идти на съемку.

Дина отключила телефон, сделала глубокий вдох, тряхнула головой, словно отгоняя наваждение прошлого. Она собралась, сосредоточилась, взяла со стола аккуратные листки с

текстом, который ей предстояло читать перед камерой. Девушка-гримерша подошла в последний раз удостовериться, что Динин макияж в порядке.

— Замечательно выглядишь, — улыбнулась она. — Ну, ни пуха ни пера.

— К черту!

— Камера, мотор!

Съемка закончилась, и Дина не спеша вышла на улицу.

Ночью в Москве прошел дождь, и на тротуарах еще стояли лужи. Впрочем, летнее солнце уже вовсю светило над городом. Свежая зеленая листва тихо шелестела на ветру.

Дина огляделась по сторонам и, вдыхая полной грудью свежий, насыщенный озоном воздух, двинулась в сторону метро. А где-то там, впереди, над неровными очертаниями домов, в высоком безоблачном небе разноцветной дугой сияла радуга, словно яркий, фантастический мост в будущее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выражи ЛЮБВИ

ИСПОВЕДЬ СЕРДЕЦ

Мост через прошлое

Дине было всего шестнадцать, когда она пережила первую любовь и первое предательство. Девять долгих лет разлуки, неудачный брак, пустота и отчаяние в сердце — такова расплата за доверчивость юной девушки. Ради дорогого ее сердцу Мити Дина изменила внешность и сделала карьеру на телевидении.

И только тогда поняла, что мир шире и прекраснее ее девичьих грез и страданий...

ВЛ № 8

ООО «Издательство Амадеус»
amadeus publishing moscow
129110, Москва, Гиляровского, 65
www.apmoscow.ru

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.